

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

НОВАЯ ЭРА

ВИКТОР МИШИН

СССР ТАКОЙ, КАКИМ ОНИ САМИ ЕГО СДЕЛАЮТ

Фантастический боевик. Новая эра

Виктор Мишин

Наш дом – СССР

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мишин В. С.

Наш дом – СССР / В. С. Мишин — «Издательство АСТ»,
2023 — (Фантастический боевик. Новая эра)

ISBN 978-5-17-156261-8

Что такое настоящая жизнь? Деньги? Гаджеты? Машины? Настоящая жизнь – это семья, где все любят друг друга и живут там, где им хорошо. А где хорошо жить человеку, точнее трем, если двое из них рождены в СССР? Почти правильно, в Союзе, только в таком, каким они сами его сделают... Попасть в прошлое всей семьей, с маленьким ребенком, раздетыми, в декабре, спастись от смерти на морозе, попасть в переделку с бандитами, «изобрести» что-то раньше времени, легализоваться и, конечно, попытаться изменить судьбу своей любимой страны. Потому как для рожденного в Союзе, СССР – родной дом!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-156261-8

© Мишин В. С., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Виктор Мишин

Наш дом – СССР

© Виктор Мишин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Холод. Сковывающий все внутри, пронизывающий насквозь холод. Что случилось, где я? Вокруг темно и, кроме деревьев, растущих довольно редко, и темного неба, ничего нет. Нет, стоп, какие-то силуэты виднеются все же, только далековато.

– Саша! Алена!

Не понял?!

– Мама! Папа!

Не понял вдвойне... Голоса вроде привычные, но какие-то странные.

– Катя? Аленка? – неуверенно отвечаю и не узнаю свой голос. Он дрожит, наверное, от холода.

– Сашка, где ты?! – вновь слышу тот голос, к которому давно привык, ибо это голос моей любимой жены! Только какой-то немного не такой – тоже замерзла?

– Я здесь, – кричу в ответ тут же, но спустя секунду добавляю: – Где-то здесь.

Понятия не имею, что еще сказать, я и правда не понимаю, где я... где мы.

Пытаюсь встать на ноги, снег хрустит и больно колет босые ноги. Наконец выпрямляюсь и осматриваю себя. Мама дорогая, да я ж в одних трусах! Выпрямившись во весь рост, наконец-то замечаю фигуру в нескольких метрах от себя. Нет сомнений, это Катя, только... Да она же в пижаме! Так, быстро вперед, значит, второй голос был и вправду Аленкин.

Подбегаю к жене, она тоже стоит по колено в снегу и оглядывается по сторонам. Охреневаю от увиденного, но оставляю разговор на потом. Дочь. Где же дочь?

– Аленка, где ты, солнышко мое?! – кричу я и едва не спотыкаюсь о ребенка. Господи боже, да как это?

Дочь стоит на снегу одетая, как и ее мама, в пижаму и плачет. Подхватываю на руки, удивляться уже нет сил, просто прижимаю к груди ребенка, а спустя мгновение к нам обоим жметесь и наша мама. Мы вместе с дочкой часто звали жену именно мамой.

– Сашка, что это? Где мы? Почему мы голые на улице? – из супруги начинает выливаться водопад вопросов, а ответов у меня нет.

Мы легли спать как обычно, около одиннадцати часов вечера, дома, в нашей маленькой, но уютной квартирке. Что случилось ночью, почему мы вдруг на улице в том виде, в котором спим? Я так и вовсе в одних трусах. Боже, как же холодно-то! Так, это не взрыв газа или что-то подобное, ибо ни развалин, ни пожара вокруг нет. А что есть? Осматриваю округу, решаю выйти из-под деревьев, благо растут они тут редко.

– Давайте туда, – киваю в сторону и, не давая супруге задать новый вопрос, подталкиваю ее вперед. Дочь на плече не кричит, лишь трясется и тихо плачет.

Как и думал, идти оказалось всего несколько метров. Деревья расступились, и перед нами предстала картина... Деревня. Точнее, это стоящие вразнобой деревянные дома. Низкие, темные, заборы если и были когда-то, то давно повалены.

– Быстро, в доме, даже если он нежилой, будет теплее, – команду я, хотя и понимаю, что дома-то замороженные стоят. Черт возьми всю эту хрень, да где же мы?

В первом же доме подтверждаю свою догадку, промерзло все насквозь. Печь разрушена, при всем желании не растопить, руины просто.

– Пойдите тут минутку, один я быстрее все осматрю, – передавая дочь жене, я бегу на мороз. В голове крутится совсем не ко времени посетившая мысль: «Почему Катя такая молодая, а Аленка и вовсе маленькая?»

Оббегаю дома друг за другом и у одного резко торможу. Не может быть, в окне, маленьком, с затянутыми льдом стеклами, виднеется тусклый свет. Перемахиваю через плетень, когда-то стоявший вокруг участка, а сейчас сохранившийся лишь частично, оказываюсь возле двери крыльца. Крылечко маленькое, как приступок, не больше, попробовал дернуть за ручку, заперто. Стучу. Несильно, мало ли кто там, вдруг рассержу хозяев. С минуту ничего не происходит, я повторил стук несколько раз и собирался идти к окну, как что-то скрипнуло и послышался возглас:

– Кто тут? – Тихий, как будто человек боится или по крайней мере осторожничает, голос привел меня в состояние готовности. Голос женский, сомнений нет, но вот пустят ли?

– Откройте, пожалуйста, нас с женой и ребенком ограбили и бросили на морозе почти голыми. Разрешите обогреться, ради бога! – буквально умоляющим голосом произношу я быстро придуманную историю. Подробности придумаю чуть позже, нужно понять для начала, где мы вообще. Зуб на зуб не попадает, трясет так, что словами не передать.

Дверь, задевая, явно просела, тяжело идет наружу, и перед моими глазами возникает лицо женщины. Нет, пожалуй, это скорее бабушка. Она подсвечивает себе *свечкой* и испуганно смотрит на меня.

– Здравствуйте, простите ради бога, пустите, пожалуйста, погреться!

– Ты кто? – бабушка все же решает спросить первое, что приходит в голову в таких случаях.

– Саша. Там, в соседнем доме, который пустой, мои жена и дочь, мы не опасны.

– Да вижу, что не опасны, синий уже весь! Зови скорее своих девчонок, замерзнут ведь!

Я буквально пулей долетел до домика, в котором оставил девчат. Подхватив на руки Аленку, беру за руку Катю и так же бегом направляюсь к гостеприимной бабушке. Даже в мыслях не мелькнуло осмотреться, все мысли только о семье и диком холоде.

Старушка стояла на крыльце, встречая нас, и в буквальном смысле затолкала внутрь дома. Избушка оказалась очень маленькой, и это я почувствовал на собственной голове, когда ударился о притолоку. Зашипев от боли, голова буквально зазвенела, я пригнулся и вошел последним. Старушка мгновенно развила какую-то невероятную скорость в уходе за моими девчонками. В печь полетели дрова, девочек укрыли одеялами, а ноги оказались в тазах с теплой водой. Сам я просто прижался спиной к печи и уселся на лавку, что стояла тут же. Спасены. Остальное уже неважно.

«А если бы до деревни был хотя бы километр по снегу?» – пронеслась мысль. Смог бы я успеть? Не факт.

По телу разливалось тепло. Бабуля достала из шкафчика бутылку водки, да-да, именно водки и приказала нам с Катериной растереться. Слушались бабушку беспрекословно, натерли дочь, а затем и друг друга.

– Рассказывай, парень, кто вы и откуда будете?

Спустя пару часов девочки уже спали в одной постели, укрытые толстенным одеялом, а я сидел со старушкой за столом и пил чай. Было хорошо. Холод отступил, тепло разливалось по всему телу, тут или водка помогла, или печка, или все вместе. Хотелось спать, но я понимал, что нужно как-то объясниться, иначе невежливо получается.

– Зовут меня Александром, жену Катериной, Аленка наша дочь, Андреевы мы.

– Меня Лидией Николаевной звать, Фролова по мужу.

Уже здесь, в теплом доме старушка выглядела несколько по-другому. На улице, в темноте мне она показалась старой, думал, ей лет девяносто, но на самом деле я ошибся. Старушке на вид лет шестьдесят пять, может, семьдесят, не больше. Морщин, старящих кого угодно, на лице много, но не таких и глубоких, какие бывают у совсем старых людей. Да и тут, при свете, блин, керосиновой лампы, блеск в ее глазах заставил меня пересмотреть свою оценку. Крепкая такая бабушка, но не старуха. Ростом мне до груди, а во мне всего-то метр восемьдесят, не полная, скорее... да, именно, крепкая такая бабушка. Говорит ровно, не шепелявит, да и речь правильная. Я-то уж было подумал, что нас в какую-то тьмутаракань забросило. Кстати, об этом я тоже еще не думал, некогда было.

– Где мы, скажите на милость, Лидия Николаевна? – обязательно нужно узнать хоть примерно, чтобы самому легенду привязать к местности.

– Деревня Мягкое. Точнее, сынок, то, что осталось от деревни. Раз в другие дома ходил, видел значит, что нет больше никого. Одна я тут. Расселяют понемногу, а я не хочу уезжать. Родилась я тут, тут и помереть хочу. Сын вон, приходит раз в месяц, работает на заводе, некогда ему. Все уговаривает уехать, мне и квартиру обещали отдельную дать, а я все не соберусь никак. Но, наверное, все же выселят скоро. Ванька говорил, в будущем году будут сносить деревню.

– Лидия Николаевна, а на каком заводе сын работает? – Блин, мысль у меня уже появилась, но она настолько нереальная и пугающая, что хочется ее отогнать.

– А, так «почтовый двадцать», в городе.

Мне как будто по башке обухом дали. Какой на хрен «почтовый двадцать»? Наш «двадцатый», что ли? «Сатурн»? Как он только ни назывался, но в народе именно «почтовым двадцать» его звали... давно это было. Наверное, задолго до моего рождения. Это название из Союза еще, тогда наш город, как и многие другие, где существовали оборонные предприятия, был закрытым, а завод был номерным почтовым ящиком. На нем движки к самолетам делали, да и делают до сих пор, только название сменили.

– В Рыбинске? – робко уточняю.

– А где ж еще, сынок? Конечно, в Рыбинске. Так и мы с тобой сейчас в городе, я по старой памяти деревню тебе назвала, а так город это, город. Все дальше и дальше расползается, в тридцатых к нам пришли, начали людей расселять, когда тут строительный комбинат построили. Вы что же, не знаете, где вы?

И вот как ей сказать?

– Ой, Лидия Николаевна, скажу – не поверите, – начал я.

– Да чего уж, рассказывай, – махнула рукой бабуля, а выражение лица при этом было такое, словно бы говорила: «Давай, мальчишка, попробуй удивить старую женщину!»

– Мы под Угличем живем, точнее, жили. Знаете, где это?

– Конечно, не бывала никогда, но слышала, – уверенно так кивнула бабулька, – он ведь ближе к Москве?

– Да, километров семьдесят отсюда, по прямой. У нас дом сгорел, мы жили в охотхозяйстве, одни, родители умерли недавно, вот и жили одни. Аленка родилась уже там.

– Сколько же девчухе вашей? – перебила меня Лидия Николаевна.

– Пять, – ответил я наугад. А что, Аленка теперь на пять и выглядит, а Катя на двадцать. Если я так же помолодел, то и мне столько же. Выходит, мы как-то разом, всей семьей помолодели ровно вдвое. Еще бы узнать, как? Значит, если что, то нам по двадцать три, а то поймут неправильно. – Поехали в Рыбинск, у нас тут родственники живут, не в городе, в деревне за Волгой.

– Далеко?

– Не очень, мы не были там, знаем только на словах, да по карте я смотрел не раз, километров двадцать, что ли.

– Понятно. Значит, к родне подались? Правильно. Чего одним в лесу-то жить, молодые еще, да и девочке скоро в школу.

– В том числе и поэтому сюда направились.

– Но как вы тут оказались, на окраине, да еще и в деревне?

– Да по дурости моей, Лидия Николаевна. Трясло в автобусе, умучились все за дорогу, а тут водитель и объявил, что, если кто не хочет ехать до вокзала, может сойти и на окраине. Автобусы, дескать, ходят, уедете куда надо. Я и предложил Кате погулять, город посмотреть. Посмотрели...

– Вас здесь, в деревне ограбили? Тут же нет никого, – бабуля очень удивилась.

– Да не понял я даже, как и забрели к Волге. Реку только увидели, шли себе и шли, а тут компания. Испугался за девчонок и не стал лезть в драку. Отдали все, что было, деньги, документы, даже одежду. Бандиты, видимо, хотели, чтобы мы замерзли. И ведь почти угадали. Промерзли мы так, что до сих пор мне кажется, что лицо щиплет.

Для наглядности я растирал лицо ладонями, показывая, как мне холодно. Пургу я гоню, а что делать-то? Я подозреваю уже, что именно случилось, но боюсь озвучивать этот факт даже самому себе. По словам бабушки, мы в Мягкой, это деревня такая была когда-то, в километре от нашего дома. Как и почему мы там очутились, да еще в таком виде, не понимаю. Хотя, стоп, с внешним видом-то все как раз более или менее понятно, мы ж спали уже, значит, все произошло во сне. Что именно? Хм... Ладно уж, произнесу. Мы, похоже, в прошлом, но это не точно, просто подозрения. Расселение, завод с «номером», деревня знакомая.

– Что ж вам делать-то теперь. – Казалось, бабушка напрягла все свои извилины, а спустя минуту выдала ответ на свой же вопрос: – Так, жене твоей я что-нибудь подберу, если не побрезгует, отдам все от дочери. Она замуж вышла четыре года назад, да в столицу уехала. На тебя от сына подберем, мало чего осталось, что-то он выкинул, что-то забрал, но кое-как, думаю, оденем. С малюткой вашей сложнее, но ничего, выкрутимся. Пенсию я получаю, тратить особо некуда, откладываю на похороны...

– Лидия Николаевна, я не смогу...

– Так, перестань болтать ерунду. Вам нужнее, сможешь потом отдать – хорошо, нет – ничего страшного не случится.

– До копейки, – твердо сказал я, – все верну. А вообще, завтра же пойду, найду, где подработать.

– На завод так просто, да еще без документов не возьмут, но ты вроде сильный парень, молодой, здоровый, тут недалеко магазин есть, продовольственный, «Дружба» называется. Если не чураться тяжелой работы, сможешь грузчиком к ним устроиться. Я, бывает, хожу иногда, так там всегда мужики пьяные, а ты вон какой бравый парень, – польстила, ведь совсем и не знает меня, а выводы делает приятные. – Сам-то как с винишком?

– Да вообще не пью, у нас в семье как-то не принято было. В лесу живешь, хозяйство, дом, некогда о дури думать.

– Вообще хорошо. Вот и сходи, попробуй разузнать. Если возьмут, заработаешь денежку дочке на одежду, тогда и поедете к родственникам.

– Уж если возьмут, надо на всех заработать, стыдно у вас, пенсионерки, брать, – я реально стыдился этого.

– Ладно, иди спать, Саша, утром разбужу, сможешь до магазина сходить, если не пере-думаешь.

– Конечно не передумаю, нам это очень надо. Спасибо вам, Лидия Николаевна, не дали умереть, так еще и помогаете жить.

– Да бог с тобой, парень, что я, нелюдь, что ли? – Бабушка ушла в другую комнату, отделенную от кухни занавеской, а я направился на свое место. Уже встав из-за стола и сделав пару шагов, вдруг бросил взгляд на подоконник. Там лежало то, от чего все во мне заклокотало.

Газета «Труд». Так и вспомнил, как отец в моем детстве ее выписывал. Буквально подскочив к окну и взяв в руки газету, уставился на титульный лист, читая лишь одну строку, которая была мне сейчас интересна. Дата.

Спать меня уложили на полу возле печки, постелив тюфячок и дав одеяло. Но у печки и так было тепло, да и не спалось мне. Если признаться, то я просто кипел от... радости, осознавая какая впереди жизнь, если все правда, и мы в прошлом. Дата на газете была указана невероятная, 5 декабря тысяча девятьсот... мама дорогая, аж шестьдесят девятого года. Как это, почему? Кто смог запихнуть нас всей семьей на пятьдесят лет назад? А главное, зачем? Изменить что-то глобально? Не верю, что такое возможно. Так для чего? Ладно бы меня одного, это как раз было бы понятно, я всегда мечтал об этом, ну не нравилась мне жизнь в двадцать первом веке, каждый день осознаешь, что должен был жить в другое время. Меня бесила разобщенность людей, вражда всех со всеми, стремление людей только к одному, хапужничеству. Шмотки, гаджеты, машины и прочее, все это для меня было лишним. Да, красивая и качественная одежда – это хорошо, но надо ли человеку иметь десять штанов? Покупать вещи просто потому, что хочется потратить деньги. Ведь человеку не нужно много для жизни, а все равно гонимся за покупками. Нам привили это потребилово, и мы все, как бараны, пашем и пашем, чтобы заработать лишнюю копейку и тут же спустить ее на шмотки, пиво и всякую другую хрень. Да, я осознаю, что там, где мы сейчас, нам будет очень трудно, но это будет честно. Нам не будет хватать интернета, телефонов, красивых вещей, но у нас будет хорошая пища, натуральная по крайней мере. Здесь чище воздух, проще люди, там, в прошлой жизни, я к сорока годам становился упоротым социофобом. Я прекрасно находил общий язык с людьми, но, быстро узнавая их сущность, терял всякий интерес, они мне просто надоедали и, более того, раздражали. Для нас с женой самой большой радостью всегда было... Были прогулки по лесу, по берегу реки, рыбалка с берега и лодки. Нам нравилось дышать природой и чистым воздухом, которого в городе, увы, оставалось немного. И вот мы здесь. Как отреагирует Катя, не представляю, все же женщинам нужно чуть больше для счастья, чем мужику, а уж ребенку... Поэтому и удивляюсь, почему закинули всей семьей, для того чтобы мне жизнь малиной не казалась? Или просто пожалели семью, не оставили их там без отца? А вообще, как бы ни было трудно, но мы справимся, я верю в это, и все будет хорошо.

Утром я встал сам, невольно вызвав уважение у Лидии Николаевны своим отношением к собственному слову. Бабулька, услышав, видимо, что я поднялся, пришла в кухню и быстро начала возиться с завтраком. Воспользовавшись тем, что мои девчонки сейчас без присмотра, я направился к ним, надо поговорить с Катериной.

– Саш, ты здесь? – Катя услышала, как я вошел, и подскочила на кровати. Тут, в комнате их было две, на одной ночью спали жена с дочерью, на второй, видимо, хозяйка дома.

– Слушай меня внимательно... – Я быстро пересказал супруге нашу «легенду», попросил быть внимательной к словам и не говорить лишнего. Так же рассказал и том, где мы находимся. Естественно, реакция женщины была предсказуема, она заплакала.

– Как же мы выживем? Что нам делать? – вопросы сквозь слезы лились из моей любимой женщины, блин, теперь вновь девушки, как из водопада.

– Кать, ты видишь меня, ночью-то не разглядела? – Жена тут же мгновенно замолчала и, расширив глаза, открыла рот. – На кухне у Лидии Николаевны есть зеркало, над умывальником, посмотри и обрадуйся. Я сейчас уйду, попробую сходить в «Дружбу», надо работу подыскать. Нам одеться надо, да и что-то буду думать с документами.

– Санька, ведь у нас ничего нет!

– Ты забыла о главном, любимая моя, – усмехнулся я, – мы – в прошлом.

– Господи, мы же столько всего знаем... Саша, ты же знаешь о городе столько всего! Сколько ты его изучал... Блин, помнишь, ты мне о кладках каких-то говорил, а я не слушала толком. – Смотри-ка, как голова заработала, от молодости, что ли? Сразу о важном подумала.

– Молодец, правильно. Да, нам сейчас перебраться немного нужно, а потом все будет хорошо. Ты же знаешь, – жена машинально кивнула. – Правильно, мы добьемся своего, но только вместе!

И жена успокоилась.

– Нашептались? Идите завтракать, – заглянула в комнату Лидия Николаевна.

Мне было крайне неловко ее обманывать, прямо уши горят, но что делать? Рассказать ей правду? Мало того что в это она просто не сможет поверить, я бы и сам не поверил, так еще и расскажет кому-нибудь лишнему. Мне как-то не хочется начинать новую жизнь общением с милицией или, еще похуже, врачами из больницы для умалишенных. Если такое и предстоит, то позже, когда я немного увереннее буду стоять на ногах.

Чай был горячий и крепкий, бутерброд из черного хлеба и сала пошел на ура. Чувствуя себя превосходно, я нарядился в какие-то короткие, но с невероятно широкими штанинами черные брюки, цветастую рубашу, резиновые сапоги и, ага, фуфайку! Сапоги напялил с портянками, пришлось вспоминать, как их наматывать, давно я ими не пользовался, давно. Ватник оказался маловат, сильно потаскан, но все же это очень теплая вещь, отказываться я и не думал. На голову мне предложили шапку-ушанку, по виду армейская, даже след от кокарды виднелся. Все вещи были сына хозяйки дома, а ростом он, видимо, пониже меня, но я не в претензии.

Лидия Николаевна старалась подробно объяснить мне, как и куда идти, да только в этом не было нужды и слушал я в одно ухо. Я прекрасно знаю весь наш район, за десять лет жизни в Прибрежном мы с женой исходили его вдоль и поперек, гуляя по вечерам.

Оказавшись на улице, был приятно удивлен тем, что в одежде мне тепло, ночью и на голое тело мороз казался сильнее, чем было на самом деле. Градусов восемь-десять, ветер слабый, да и одежда хороша, лепота, да и только. Держать направление на юг, где и находилась более современная застройка, мне сразу не удалось, снегу оказалось много, и пришлось искать тропинку. Люди здесь ходили, даже встретил двоих мужчин по дороге. Понятно, тут рядом пара предприятий имеется, включая мебельную фабрику и домостроительный комбинат, наверное, мужчины шли на работу, время-то сейчас семь утра. Оглядев мужиков, а те в свою очередь окинули меня взглядом с ног до головы, отметил про себя, что одеты те не лучше, чем я сам, разве что по размеру. Какие-то пальтушки, на мой взгляд, тощие и холодные, шапки кроличьи и валенки. Вот обувь шикарная, сухой зимой лучше и нет ничего.

Дорогу нашел легко, ибо знал, куда идти. Удивил ее внешний вид, позже здесь будет прямая с севера на юг, а пока петляющая среди старых деревянных домов, при этом расчищенная от снега узкая дорожка, больше похожая на тропинку. Смотреть по сторонам не уставал, интересовало буквально все. На сколько хватало обзора, вокруг пока не строилось ничего высокого, но видел множество подъемных кранов, как же приятно их видеть. Из детства помню, как залезешь на крышу дома, смотришь вокруг и видишь краны, а это значит, что жизнь продолжается. Если есть стройка – есть движение, люди стремятся вперед. В нашем городе через пятьдесят лет почти перестанут что-либо строить, отток населения огромный, денег мало, вот и умирал город тихо, но неуклонно.

Буквально через десять минут появилась первая пятиэтажка, «хрущоба», ага, судя по году, в котором нахожусь теперь, их тут сейчас шесть штук построено, остальная застройка пока деревяшки. Скоро, скоро тут все снесут и вырастут дома и детские сады, школа на проспекте Серова уже должна стоять, а в следующем году откроют спортивный комплекс «Метеор» с первой секцией самбо. Преподавать там будут легендарные люди, наш город вообще выпу-

стит много мастеров спорта и чемпионов по этой борьбе, а школа «Метеора» будет считаться престижной.

О, вот и проспект. Вон стройка идет, как раз на месте будущего «Метеора», а вокруг-то! Красота, старые домишки и яблони кругом, много-много яблонь. Когда-то тут сады обширные были, читал о них. Слева высятся новенькие высотки, одни из первых девятиэтажек города, построенные буквально недавно. Никаких тебе стеклопакетов и застекленных балконов, вон белья сколько развешивается. Смотрится все это дико, на первый взгляд. Эдакие стены стоят, великие китайские, а вокруг трущобы, вот же, блин, планировка района...

К магазину я подошел с лицевой стороны, а надо скорее всего идти с черного хода, именно там должны разгружаться машины с товаром, так как в основном подсобки и склады находятся именно там. Увиденная спустя пару минут картина заставила помрачнеть. С торца дома, в котором располагался продовольственный магазин, стояла машина, «газончик», а вокруг него была суeta. Понятно, разгрузка идет, и на первый взгляд, с грузчиками тут проблем нет. Все же решаю испытать судьбу и направляюсь к работающим мужикам, выглядевшим внешне так же, как и я. Фуфайки и шапки-треухи, валенки. Везет людям, я вот в этих резиновых сапогах, которые мне презентовала Лидия Николаевна, начинаю мерзнуть уже, да и скользят они так, что только отвлекись на секунду, сразу шлепнешься.

– Привет, уважаемые, подскажите, где заведующую найти? – обращаюсь к грузчикам.

Два мужика, переглянувшись, окидывают меня равнодушным взглядом и кивают на вход в магазин.

– Спасибо.

На входе меня тормозит женщина, одетая в пальто, теплая шаль на голове, из-под которой выбиваются ярко окрашенные волосы. Лицо лоснящееся, упитанная такая тетя. Не зная, кто она, и, не собираясь нагнеть проходя мимо, здороваюсь и уточняю местонахождение заведующей.

– Зачем она тебе? – О, простое советское общение между незнакомыми людьми. С ходу на «ты» и несколько свысока.

– Хотел спросить насчет работы...

– Грузчики нам не требуются, у нас постоянный штат, – отрезает женщина.

– Ирина Сергеевна, Ирина Сергеевна! – из глубины магазина доносится крик, и женщина, отворачиваясь от меня, заинтересованно устремляется внутрь, но практически сразу вынуждена остановиться, так как на крыльцо выскакивает молоденькая девушка, видимо, продавец, так как одета в белый халат.

– Что случилось, Татьяна, чего ты орешь? – восклицает женщина, отказавшая мне в работе.

– Свет погас, дымом в подсобке пахнет...

– Ясно, опять что-то замкнуло, – ругается женщина, – как же не вовремя, где я сейчас электрика найду, их днем с огнем нет. – Ага, стало быть, эта женщина и есть заведующая магазином.

– Холодильники потекут, опять все испортится, что же делать? – пищит девушка. Хорошенькая такая, маленькая, худенькая, довольно приятная на вид.

– Разрешите спросить? – подаю голос я, так как никуда не отходил и все слышал.

– Чего еще? Мне некогда, слышал же! – едва ли не таякает заведующая. Неприятная она в данный момент в общении, но что поделаешь, если подумать, то я и впрямь не вовремя лезу в разговор.

– Я могу посмотреть, может, помогу вам?

Заведующая оценивающе смотрит на меня.

– Ты электрик? Вроде грузчиком хотел устроиться?

– Я не настаивал, вы же меня даже не спросили о профессии? – развожу я руками.

– Пойдем, – решительно кивает заведующая, указывая направление.

Подсобка, где располагался распределительный щит, оказывается маленьким, едва ли в пару квадратных метров помещением. Здесь отчетливо воняет сгоревшей изоляцией и полно дыма.

– У меня нет с собой инструмента, – развожу руками.

– Что нужно, у нас есть кое-какие инструменты? – А то как же, в любом магазине они есть, даже в продуктах, по той жизни помню, у меня теща какое-то время была директором магазина. У нее в запасах разве что перфоратора не было.

– Если есть пассатижи, уже хорошо будет, – отвечаю я.

– Плоскогубцы подойдут? – уточняет заведующая и направляется куда-то внутрь подсобки.

– Подойдут, – киваю я.

Получив спустя минуту небольшой деревянный ящичек с ручкой, обнаруживаю в нем именно пассатижи, а не плоскогубцы, пару отверток разной длины, сапожный нож, небольшой кусочек матерчатой черной изоленды и молоток. В грязной рабочей рукавице брякают гвозди, нормальный такой запасец в магазине.

Открываю щит пассатижами, ключа-треугольника все равно нет, и охреневаю от внешнего вида и количества дыма. Оглядываюсь и, увидев в стене справа окно, открываю его.

– Что-то серьезное? – из-за спины доносится голос заведующей.

– Сейчас дым уйдет, станет видно, – отвечаю я, пытаюсь разогнать руками дым. Кстати, запах не только изоленды, а я уже, кажется, понял причину короткого замыкания. Это ж продукты, в смысле продуктовый магазин, а значит, в нем всегда будет живность, если ее целенаправленно не уничтожать.

Дым расходится, и, как и ожидал минутой ранее, я обнаруживаю внутри, прямо возле клеммника, разводящего линии, сразу две тушки с длинными хвостами. Отчетливо потянуло сгоревшей шерстью, а я начинаю соображать, чем бы их прихватить, чтобы вытащить. Перчатки, чтобы дернуть вставки, нет, а рубильник почему-то здесь не предусмотрен, прямое подключение, цепь не разорвать.

– Зараза, – ругается заведующая, а я ее прекрасно понимаю, – опять крысы, только в прошлом месяце морили, да что ж такое-то?!

– Бывает, – пожимаю плечами, – у вас случайно резинового коврика какого-нибудь нет?

– Какого именно? – заинтересованно смотрит на меня женщина. Шаль она скинула, и теперь я вижу ее высокую, двухэтажную прическу.

– Да любого, но чтобы мягкий был, – уточняю я.

Коврик мне быстро нашли, притащили из торгового зала. Накрывая им вставки, по очереди выдергиваю каждую и откладываю в сторону, проверить нужно, свет-то отключился, наверняка пробило. Затем пытаюсь этим же ковриком вытащить крыс, но меня останавливает заведующая.

– Погодите, я вам рукавицы сейчас дам, не трогайте эту мерзость руками. – О, сразу в голосе появилось уважение и обращение изменилось, на «вы» мы теперь.

Спустя пару минут мне передают голицы, и я уже спокойно так вытаскиваю тушки и складываю в подставленную коробку. Ее кто-то выносит прочь, уборщица, скорее всего, а я принимаюсь за вставки. Заведующая между делом уточняет, можно ли ей отойти, надо приглядеть за грузчиками, в ответ я просто киваю.

Раскрутив одну вставку, сразу вижу сгоревшую проволоку внутри, ха, местный электрик еще бы гвоздь туда вставил. Странно, что не успело пыхнуть, а то сейчас тушили бы весь магазин. Оказывается, я рано обрадовался, во второй вставке обнаруживаю именно гвоздь. Вот же чудила, этот приходящий мастер, ведь тут и потребителей-то немного, куда такие вставки?

Наверное, его часто звали менять сгоревшие предохранители, и он решил поставить такого «жука», чтобы реже приходить. Надо проверить холодильники, могли и погореть из-за такой «защиты».

Порыскав по подсобке, нашел кусок медного провода, зачистил, собрал нормального «жучка», не гвоздь же ставить, и занялся проводами. Замкнувшие на крыс пришлось обрезать и нарастить, жаль, паяльника нет, но хотя бы пассатижами скрутки протянул и замотал изолентой. Найденный кусок провода оказался коротким, я вышел из щитовой в надежде найти что-то подходящее. На крыльце обнаружил заведующую и обрисовал проблему, та кивнула и метнулась внутрь, а спустя несколько минут притащила кусок провода длиной метра три.

– Прошлый раз электрик что-то делал, забыл кусок забрать, пьяный был, ну я и прибрала, в хозяйстве-то пригодится!

– Правильно сделали, только пьяного электрика надо было гнать метлой, – заметил я.

– Ой, парень, с ними у нас всегда проблема, днем с огнем не найдешь. Как думаешь-то, справишься? – О как тебя, тетя, прихватило, ведь другим человеком стала.

– Думаю, да, дайте немного времени, нужно все проверить, прежде чем давать напряжение. Тут еще в шкафу дыру прогрызли, черти зубастые, надо заделывать, иначе опять залезут.

– А чем заделать? – с интересом спрашивает заведующая.

– В идеале раствором, видите, тут щель между стеной и шкафом в полкирпича, так что немного кирпичей бы надо. – Надо же так сэкономить на шкафах, поставить их без задней стенки. Нет, я понимаю, что вроде как и не нужна, но тогда надо было шкаф замуровать в стену. А его поставили к стене, ножки в бетон закатали, а стенки-то нет.

– Я в продторг сейчас позвоню, попрошу слесаря прислать.

– Если дадут, то пусть привезут десяток кирпичей, должно хватить, и цемент.

– Пошла звонить.

Женщина ушла, а я начал проверять всю цепь. Выкрутил лампочку в коридоре и быстро сварганил «контрольку». Пробежал с ней по цепи, затем попросил девушку из работниц показать холодильники. Время еще было нерабочее, людей в магазине не было, поэтому меня спокойно провели по всем отделам, и там, где стояли большие лари-морозильники, я проверял электрическую цепь на целостность. Возле одного такого пришлось зависнуть, скорее всего во время короткого замыкания обгорел кусок провода. На одном из концов была нарушена изоляция, пришлось восстанавливать. Справился, все же когда-то учился и немного работал электриком. Когда закончил с проверкой, разрешил девушкам продавцам включать холодильники. Проводка везде цела, я проверил, питание приходило, оставалось надеяться на то, что сами агрегаты не погорели.

Холодильники магазина громко заурчали, продавцы успокоились, я вернулся в щитовую убрать за собой инструмент и закрыть шкаф.

– Нет свободных слесарей, заявку приняли, а уж когда будут делать, одному Брежневу известно, – вернувшаяся заведующая была несколько расстроена.

– Ирина Сергеевна, если не ошибаюсь? – начал я.

– Да-да, правильно. Ну как, получилось? – она смотрела с надеждой.

– Да, конечно. Все должно быть в порядке.

– Девушки мне сказали, что вы и в залах все проверили, а у одного холодильника что-то отремонтировали?

– Да, провод отгорел, наверное, тоже погрызен был. Как-то надо бороться с крысами, иначе они вам покоя не дадут.

– Да уж. Тут с ящиком-то не знаешь, как поступить, когда работягу пришлют, неизвестно.

– Потом еще цемент месяц искать будут, – решил подначить я, улыбнувшись.

– Ой, да с этим-то как раз все нормально. Тут еще со времен весеннего ремонта, нам перегородку делали, осталось ведро. В нем цемент был, правда, засох уже. Да и кирпичи есть, лежат в подсобке, не знаю сколько, но были.

– Так в чем проблема? Цемент разобьем, только песка где взять?

– В пожарном ящике есть...

– Вообще все хорошо. Показывайте.

– Так вы и кирпичи класть умеете?

Хм, а почему бы нет?

– Да чего тут класть, не дом же строить, – усмехаюсь я. – Ведите.

В итоге я расковырял цемент, смешал с песком, спросил, нет ли стекла, битого, мне показали продуктовый бой, банки, бутылки, все уже списано и готовилось на выкидку, а тут в дело пошло. Заведующая не отходила от меня, буквально восхищаясь моими действиями, а мне было смешно. Давненько я с крысами не воевал. В итоге к обеду закончил, обложив шкаф кладкой в полкирпича, пришлось колоть, а молотком не очень удобно, воспользовался стамеской и тем же молотком. Вышло даже красиво.

– Ну вот и все, Ирина Сергеевна...

– Ой, да можно просто Ирина, – смущаясь, ответила женщина. Блин, да она мне глазки, что ли, строит? А, наверное, платить не хочет, или средств свободных нет.

– Да и вы ко мне можете по имени, Александр меня зовут.

– Спасибо вам... тебе, Саша. Сколько я должна? Десяти рублей хватит? Я еще и продуктов добавлю, колбасу сегодня привезли, вкусную и свежую, две палки дам, – смешно было слышать, как она торгуется, а что поделаешь, хозрасчет, блин.

– Если это возможно, то я бы обменял одну палку на молоко, хлеб и какую-нибудь крупу.

– Ребенок? – уже вполне серьезно спросила женщина.

– Да. У нас тут неприятность вышла, работа нужна.

– Прости, Саша, что я вначале нагрубила, когда товар принимаю, злюсь. То утащат что-нибудь, то уже утащили на базе, только гляди. Если есть желание, можешь еще приходить, устроить я тебя не смогу, но шабашкой вполне можно.

– А что делать нужно?

– Ой, да мало ли чего, – всплеснула руками заведующая, – это ж магазин, тут одни бабы, а мужики, вон, на улице видел? Толку от них, гвоздь вбить не смогут, а ты рукастый. – Вот же, услышав о коллективе из одних женщин и «мало ли какой работе», даже испугался, решив, что они меня тут изнасилуют все разом. Нет, ну а что такого, разве невозможно? Начнут приставать всем табором, хрен отобьешься.

– Когда прийти? – спокойно ответил я.

– Ну, сегодня у нас большой товар, еще две машины будут, некогда заниматься по хозяйству, а вот завтра с утра, часам к девяти подходи. Платить много не смогу, но продуктами... сам понимаешь.

Я понимал. В эти времена кругом все в дефиците, а тут попал прям на самое необходимое, так сказать, товар первой необходимости. Без еды-то куда?

Ирина Сергеевна попросила обождать чуток и упорхнула в магазин, чтобы спустя пару минут вынести мне бумажный сверток, причем немаленький. Я даже не пошел дальше куда-либо, а решил вернуться к Лидии Николаевне, потому как руки оказались заняты, да и есть что-то захотелось. Представляю, как там Катерина выкручивается, пытаюсь накормить, не знаю и чем даже, нашу дочь.

Отойдя от магазина, заглянул внутрь свертка. В плотную бумагу были аккуратно завернуты палка вареной колбасы, одуряюще пахнущей колбасы, два треугольника молока, пакет гречки, пакет пшена, два батона белого хлеба и буханка черного. Нормально так, а еще в кар-

мане десятка красная лежит, с дедушкой Лениным. Господи, я до сих пор не верю во все это. Обалдеть просто. Почему-то от осознания факта о нашем местонахождении, точнее времени, мне буквально хочется плясать.

Дома у Лидии Николаевны меня ждали с нетерпением. Бабулька удивилась так, что глаза округлила, Катя была сдержанна, еще не осознала, как, впрочем, и я сам. Лидия Николаевна взялась за готовку, сказала, что сама сварит кашу для Аленки, а я позвал жену на улицу.

– Сань, как это? Ты можешь объяснить? – Катя была немного злой, да и понятно, из довольно сытного, по сравнению с прошлым веком времени, ее запихнули сюда. Здесь нет ничего из того, к чему мы привыкли, а главное, похоже, нет и пути назад. Если он и есть, то я как-то не представляю себе, как он выглядит. Нам что, нужно уснуть голыми в сугробе?

– Похоже, нас перенесло, – видя опасно расширившиеся глаза супруги, поспешил добавить: – Не спрашивай, ведь сама понимаешь, что знаю не больше тебя. Шестьдесят девятый, скоро Новый год. Пока неясно, как быть с документами, но, думаю, решим что-нибудь. О ближайшем не думай, поняла, лучше задумайся над тем, где ты хочешь жить и что делать.

– В каком смысле? – потупилась жена.

– В прямом. Город или деревня?

– Здесь жить, что ли? – вновь не поняла Катя.

– Почему здесь? Помнишь, как нам нравилось в сосновом бору... – проговорил я и как заговорщик подмигнул любимой.

– Да ладно! – Ага, дошло. – Сань, ну там же сейчас вообще беда, наверное, даже света нет?

– Где нет света, туда и не поедem. Мало ли мест на земле? Другое дело, что здесь нельзя просто жить, нужно работать.

– Я могла бы в торговлю... Или в школу.

– Ой, родная, тут такая торговля... С нашими честными рожами туда путь заказан.

– Ты мне как-то рассказывал, что в Союзе писатели могли не работать?

– Так это те, кто в Союзе писателей состоят, а ты попробуй попади туда, для начала.

Мы с супругой в прежней жизни были начинающими писателями. Работали в соавторстве, даже выпустили два десятка книг. Конечно, в голове сразу замелькали возможности, писателей в СССР ценили и жили те хорошо. Правильные писатели, те, кто писал нужные для страны и партии книги. А те, кто писал то, что нравится ему самому, иногда сидели в тюрьмах, за тунеядство, например.

Воровать чужие книги не хочу абсолютно. Может, еще подумаю насчет всяких уродов, что жили за границей, всячески позорили страну, но упорно зарабатывали в этой проклятой ими стране. Вот у них можно что-то стырить, мне будет не стыдно. Но для начала можно попробовать протолкнуть и свои книги. И я, и Катя, думаю, вспомним легко все то, что написали в прошлой жизни. Немного адаптировать к современным реалиям, и можно в печать.

А насчет изменения прошлого... много думал об этом раньше. Ну не верю я в возможности одного человека, не верю. И это даже не о попаданце разговор. Ведь как, мне нужно убедить кого-то, что требуются изменения в... во всем. Этот кто-то должен поверить в такое, а главное, поняв, сколько всего нужно сделать, принять на себя такую ношу. Думаю, страна развалилась в том числе и потому, что люди понимали, какую работу нужно выполнить, а как своротить такую глыбу? Вот и предпочли просто жить и работать так, как их приучили. Во многих книгах в будущем писатели предполагали, что вот расскажут кому надо о будущем, и те сразу подрываются и давай убирать Хрущевых, Брежневых, Андроповых и иже с ними, а затем раз, и Союз в дамках. Не, ребят, такие дела так не делаются. Государственный аппарат – это не бизнес-проект, в котором заняты три землекопа. Это тысячи людей, и у всех свое мнение и свой взгляд, переломить это, думаю, просто невозможно. Фантастика это все, точнее даже – фантазии. Тем более в республиках, там привыкли жить на дотации, план у них всегда

был только на бумаге, а жили руководители шикарно. Зачем им что-то менять? А убрать от кормушки тысячи и тысячи людей это нереально, мы просто получим очередную гражданскую войну и баста. Поэтому будем жить спокойно и делать то, что у нас станет получаться. Делать лучше надо не страну и людей в ней, а себя. Только когда человек изменит себя самого, станет выполнять свою собственную работу, как надо, вести здоровый образ жизни, любить свою семью и людей вокруг, тогда может что-то измениться, но это мечта.

– Так что же нам делать? – Катерина оторвала меня от размышлений.

– Завтра схожу опять в магазин, с утра поработаю, там у них, я так понял, ни плотника толком не было, ни слесаря.

– Ага, а еще любовников там нет, – вдруг фыркает жена.

– Чего? – хмурюсь я.

– А то я не знаю, какие коллективы в магазинах, одни бабы ведь, и не все замужние или верные.

– Катюш, ну ты ж меня знаешь, я могу только посмотреть...

– Знаю-знаю, аппетит разогреть, кушать домой придешь! – смеется Катерина и вдруг обнимает меня, прижавшись всем телом.

А мне вдруг резко захотелось... близости с ней. Не то чтобы я раньше не хотел, просто желание такое разыгралось, что в трусах стало тесно. Мы молодые, оба, красивые и молодые. Ну, по крайней мере жена красивая, не зря же я ее выбрал двадцать с лишним лет назад и никогда не ходил на сторону. Меня всегда все устраивало и дома, зачем сложности создавать там, где они лишние?

– Саш, не сейчас, ладно? Где тут этим заниматься? – Катя буквально прочитала мои каверзные мысли и озвучила свое мнение. Да я и сам понимал, что не на улице же укладываться.

– Подождем, – выдохнул я.

– Сегодня-то они с тобой как, только продуктами рассчитались? – перевела разговор Катя.

– Это бонус, я бы сказал. А так, вот, смотри, – я вытащил десятку и предъявил супруге.

– Ха, я уж и забыла, как они выглядели, настоящие деньги.

Точно, настоящие. Деньги, на которые реально можно что-то купить, а не фантики российские. Еще толком не видел цен, так, глазами пробежал по полкам в магазине, но то, что попало в мой взор, удивило. Хотя и раньше знал, какие были цены, в силу писательской профессии изучал, а вот увидел и обалдел. Думаю, одному человеку на пару рублей можно спокойно прожить день, а может и два. Смотря чем питаться. Банка сгущенки – пятьдесят пять копеек. Копеек, блин! Берем среднюю зарплату в сто рублей, они были как чуть меньше, так и больше, делим... Чуть не две сотни банок можно купить. А в будущем? Та же банка перед нашим сюда попаданием стоила 120 рублей, а зарплата всего двадцать тысяч. Да-да, мы не в Москве жили, где и сто тысяч рядовая зарплата, мы тут по десять лет получали одну и ту же сумму и все, не заставишь частного платить больше, ему это невыгодно. Так что у нас получается? Правильно, здесь выгоднее получается. Конечно, есть вещи или продукты, которые выходят даже дороже, но в общем и целом жить в Союзе все же дешевле. Главная проблема тут – дефицит. Вот бич Союза. Все и везде нужно доставать. Как рулили там, наверху? Неужели не понимали, что это звездац! Ведь у любого чиновника есть в родне и простые люди, они что, никогда не жаловались своему удачно пристроившемуся родственничку о нуждах народа? Да все наши чиновники знали, просто прогнали так, что людей перестали считать за людей. Одежда, мебель, квартиры, да все ужасного качества, как так вышло? Кто из этих упырей решал, какого качества заслуживает наш народ? Почему чиновник ходит в гэдэеровском костюме, а простой работяга должен ходить в тряпье? И дело не в том, что какая-нибудь

«Большевичка» плохо шьет. А в том, что кто-то «умный» решил, что и так сойдет. Твари они, если честно, по-другому и не скажешь.

– Одежда, насколько помню, дорогая сейчас, надо для начала хоть что-то купить, а там и будем думать. После обеда прогуляться схожу, надо посмотреть одно местечко, правда, далеко.

– Куда?

– За Волгу. Ха, а если по льду перейти, так и не далеко получится, точно, так и сделаю!

– Может, вместе пойдем?

– Да я не против, а Аленку что, с незнакомой бабушкой оставим?

– Да, ей надеть нечего, а так бы вместе прогулялись, как раньше.

– Тут еще вот такая проблема, не больно люди сейчас гуляют, работать надо, могут и не понять такое праздное времяпровождение.

– Да уж, представляю, как менты подойдут и загребут за тунеядство. – И мы рассмеялись.

Смешного на самом деле было мало, это действительно проблема. Но для того, чтобы чем-то заняться, нужны документы, в первую очередь. А тот же паспорт мне кто выдаст, если меня тут вообще быть не должно? У нас нет места для проживания, куда прописываться? Ой, блин, похоже, честно тут ничего не сделать.

– Надо искать выход на кого-то из работников загса. За взятку, думаю, сделают, главное, подход найти.

– Сань, они потом сами и сдадут нас. Не вариант.

– Тогда просто идем в милицию, а там, как выйдет.

– Надо с Лидией Николаевной говорить, пока больше мы тут никого не знаем, может, она поможет?

– Конечно, помогу, дочка, а что нужно? – Мы даже не заметили, как открылась дверь на крыльце и к нам вышла бабуля. Господи, что она услышала лишнего?

– Лидия Николаевна, – решился я, – дело дрянь, а помочь нам больше никто не сможет.

– Наврал про родню? – улыбнулась бабуля.

– Скорее, сказал не все. Родня есть, но она не знает о нас, вот так. Это родителей родня, мы-то их не видели никогда. А проблема в том, что прописаться некуда будет, если пойдем новые документы выправлять.

– Тоже мне проблема. Ко мне и пропишут, я с вами пойду. Скажу, что вы мои родные внуки, приехали с Севера, у меня в Мурманске родня живет, а вас тут обокрали.

– Так они запрос сделают, и все вскроется.

– Ничего не вскроется. У меня там и правда внуки живут, сестры моей родной внуки. Кто их будет там по деревням искать, о чем ты говоришь-то?!

– Ну, я не знаю, – развел я руками.

– Завтра же пойдем в ближайшее отделение милиции и напишем заявление. Не знаю, как там это делается, но все будет хорошо.

Гулять пошли вместе. Боязно слегка было, а вышло все вполне хорошо. Никому мы нафиг были не нужны, спокойно прошли до района Северный и вышли на набережную Волги. Отсюда открывается очень красивый вид на Волгу и впадающую в нее Шексну. Правда, от последней тут осталось всего метров триста, дальше дамба и ГЭС, а за насыпью плотины большое Рыбинское водохранилище. Это искусственное сооружение занимает огромную площадь и располагается в трех областях, его иногда еще называли Рыбинским морем, что, конечно, преувеличение.

Посмотрев на лед и на рыбаков, кучкующихся возле многочисленных лунок, мы смело направились через реку. ГЭС, видимо, не включали в последнее время, поэтому везде был лед,

а так выход на него довольно опасен, во время работы станции так подмывает, что образуются полыньи.

– Парк видишь? – я кивнул в сторону Петровского парка, расположенного на левом берегу в бывшем селе Петровское. Кстати, бывшая усадьба, сейчас находящаяся в плачевном состоянии, принадлежала предкам Никиты Михалкова.

– И? – супруга вглядывалась в противоположный берег, пытаюсь понять мои мысли.

– Мне нужно, чтобы ты смотрела внимательно вокруг, когда окажемся там.

– На стрёме постоять? – смеется жена, а мне как-то не смешно.

– Можно и так сказать. Помнишь, я рассказывал тебе о притоне на территории усадьбы?

Когда-то давно читал о том, что раньше находилось в окрестностях, и наткнулся на интересную информацию. В конце шестидесятых годов двадцатого века, а для нас это прямо сейчас и есть, в одном из заброшенных зданий усадьбы находился притон какой-то воровской банды. Здание, обычный старый деревенский дом, стоящий с краю, но все же когда-то это была территория усадьбы. Так вот, интерес мой был в том, что летом семидесятого года милиция накроет банду прямо на их «малине», и результатом окромя ареста воров будет тайничок с ценностями. Думаю, вы сами уже все поняли. Естественно, найти его для простого человека будет трудно, но я-то, благодаря статье о старом милиционере, которую опубликуют в местной газете, знаю, где их схрон. Конечно, если информация была правдивой. Как рассказал милиционер корреспонденту в интервью, в схроне бандитов было больше ста тысяч рублей. Легализовать эту сумму в СССР будет очень сложно, но мы придумаем, как поступить. Лучше иметь деньги и решать, как ими пользоваться, чем не иметь вообще. В нашем случае выбирать не приходится, у нас вообще ничего нет, а жить надо. Причем уже вчера.

– Видишь, мужик там, такой, на урку похож из старого кино, – Катя осторожно кивнула в сторону аллеи, где и правда двигался человек.

– Вижу, – кивнул я в ответ.

Шел мужчина в нужную сторону, как раз там и находится нужный дом. Вид, как Катя и сказала, самый затрапезный. Как тут милиция работает, ума не приложу. Это ж как в старом кино советском, будь я ментом, взял бы этого хлыща просто за внешний вид, а дальше пальчики, допрос и айда, братец, на нары, они тебя заждались. Ну, серьезно, мужик был похож на персонаж Абдулова в «Место встречи изменить нельзя». Помните в конце фильма шофера хлебной машины? Во, почти один в один. Но самое смешное было в другом. Мы с Катериной немного разошлись, якобы любимемся видами парка, а когда вновь сошлись и пошли дальше, жена меня огорошила:

– Сашка, надо одежду искать. – Видя мое непонимание, блин, я и сам знаю, что надо ее искать, супруга добавила: – Ты сам с виду не лучше этого хмыря. Думаю, если еще пару дней не побреешься, будешь таким же.

Покусывая губу от досады, я как мог осмотрел себя и понял, в люди выходить в этой одежде нельзя, это как маркер на себя повесил.

– Мне нужно сюда одному прийти, и думаю, лучше ночью, – заключил я.

Мы еще немного побродили, обнаружили накатанную дорогу, ведущую к дому, а возле самого строения, за невысоким забором из досок, стояло и транспортное средство. Четыреста седьмой «Москвич» блекло-зеленого цвета, сейчас припорошенный снежком, стоял возле ворот, на территории участка.

Возвращались немного другим путем, я присматривал себе отход, мало ли как пойдет. Решиться на такую авантюру было непросто, я один, бандитов неизвестно сколько, к тому же они преступники и запросто могут меня завалить, а я так сделать не могу. Нужен уравнитель.

Отведя жену почти до дома Лидии Николаевны, дойдет, тут всего пару сотен метров осталось, я направился назад, обратно за Волгу. Начинало темнеть, в декабре уже в шестнадцать часов в нашей местности довольно темно, сейчас думаю, было около того. К территории самой

усадыбы в парке я добрался уже после наступления темного времени суток. Бродить и выглядывать, одновременно «светиться» я не хотел, поэтому приглядел кусты, хоть и без листвы они зимой, да все же скроют меня от лишнего взгляда. Зато из этих кустов дом будет как на ладони, а также подход к нему как со стороны парка, так и с дороги. Мешала для наблюдения только темнота. Фонарей здесь, в парке, не будет и через пятьдесят лет, он вообще приобретет вид полузаброшенного, какие уж тут фонари...

Когда темнота так сгустилась, что видимости не стало вовсе, я решил возвращаться домой, попутно пройдя как можно ближе к бандитскому дому и осмотреться. Пока сидел в кустах, к дому подъехала еще одна машина, в темноте вообще не понял, какой она была марки, но что-то большее, чем «Москвич». Приехали на машине сразу четверо, не задерживаясь, они прошли в дом, и в окнах появился свет. Нет, они там не софиты зажигали, а простую, скорее всего, как и у Лидии Николаевны, керосиновую лампу.

«Значит, уезжают и приезжают на машине минимум четверо, тот шнырь, которого мы видели днем, вполне может вообще тут жить безвылазно». Трезво оценивая свои силы, решил, что, если я решусь на это дело, встречу с противником нужно устраивать, только разведав как следует все что можно.

Домой, к Лидии Николаевне, конечно, я пришел под утро и опять здорово замерз. Эх, мне бы валенки какие, в резине ноги просто застывают мгновенно, хотя на улице градусов шесть мороза, не очень и холодно. Когда сидишь на снегу, в кустах, без движения, даже такой, небольшой мороз сказывается. Никто меня ни о чем не спрашивал, хотя в глазах бабули было какое-то подозрение. Проснулся я около восьми, Лидия Николаевна всю хозяйничала на кухне, готовя завтрак.

– Лидия Николаевна, простите нас, пожалуйста, упали вам как снег на голову, одни хлопоты с нами, – начал я разговор, Катя тоже вышла из комнаты и сейчас резала хлеб.

– Ребятки, мне ничего не стоит вам помогать, о чем вы, только к тебе, Саша, у меня один вопрос. Ты ничего преступного не замышляешь? Ой, блин, вот же бабулька, божий одуванчик.

– Скорее, наоборот, Лидия Николаевна, – ответил я вполне серьезно.

– Как это? – не поняла старушка.

– Я хочу найти бандитов, что нас чуть не убили, или других, не важно. Найду других, от них узнаю о тех, что нужны мне, найду виновных, вызову милицию.

– Дело хорошее, только опасно это, сынок, – Лидия Николаевна покачала головой, – людишки это лихие, раз бросили вас с дитем на снегу, значит, готовы ко всему. Для них убить человека ничего не стоит.

– Ну, что-то от нормальных людей у них все же осталось, мы же живы, а могли бы и ножичком нас подрезать, – отвечаю я, в ответ получаю кивок.

– Да, это хорошо, что вас не тронули, но будь осторожен, главное, не лезь мстить в одиночку. Ты, я вижу, парень, сильный и крепкий, но в одиночку на бандитов не надо, убьют.

– Да с головой пока дружу, Лидия Николаевна, не полезу.

Перекусив немного, отправился в магазин, мне там вроде работу обещали, вдруг удастся еще немного денежек заработать. Погода сегодня радовала, мороз совсем небольшой и ветра почти нет, лепота просто. В этот раз меня встретили более тепло. Хозяйка, ну, заведующая магазином, сегодня была сама любезность.

– Здравствуй, Александр. Вчера, как ты ушел, я тут походила по отделам, вот на бумажку записала, где и что нужно поправить желательно. Пойдем сейчас ко мне в кабинет, поговорить нужно.

– Хорошо, – кивнул я и проследовал за широкой спиной заведующей.

Кабинет оказался маленьким помещением, в котором, однако, стояли три стола, на одном даже пишущая машинка присутствовала, два других завалены стопками бумаг. Кроме заведующей в кабинете никого не было, меня чутко напяргло это. Уж не об этом ли Катя преду-

преждала? Сейчас как набросится на меня эта большая женщина, и что? Отбиваться? Терять верную возможность зарабатывать и иметь доступ к дефициту? Обидно будет потерять такое преимущество, я ведь больше никого тут, в этой новой жизни и не знаю. Но, конечно, речи о том, чтобы ублажать эту женщину, тоже не идет, не в моих правилах это, да и семья у меня, если забыли. Был бы холостым и приспособленцем, это был бы идеальный вариант. Обхаживай такую вот королеву продуктов и живи в шоколаде, но, повторяю, такое не по мне.

– Слушай, парень, я могла бы тебя все же ввести в штат, у меня дворника нет сейчас. Нужно снег чистить, лестницы подметать, все снаружи, уборщица для торговых площадей у нас есть. Ну, а чтобы денежек побольше выходило, будешь шабашить. Починил что-то, получи денежку, работа, хоть и мелкая, есть всегда. Коллектив большой, что-то всегда ломается, а помощи от руководства не дождешься.

– Да, в принципе, можно, все равно не занят.

– Вот это второй вопрос, но более важный – почему. Ты парень молодой, здоровый, как я погляжу, почему без работы? Почему одет в старье, даже вон сапоги резиновые зимой носишь?

– У меня документов нет, ограбили нас, отняли все и бросили в снегу голыми. Меня, жену и дочь. Мы выбрались, нас приютила одна бабулька, дает нам пока возможность пожить у нее, но как долго так будет продолжаться, не знаю.

– Так надо в милицию идти. Даже если не найдут бандитов, документы выправят новые, – возмутилась заведующая.

– Да боязно как-то. Мы не местные, под Угличем жили, в деревне нежилой. Дом сгорел в начале осени, мы и пошли искать новое место. Никто не сможет подтвердить наши данные, вот в чем вопрос.

– Давай так, я все устрою, но ты поработаешь у нас хотя бы полгода, а не сбежишь! Если согласен, то я прямо сейчас уеду решать твою проблему. Да, жена-то не хочет поработать?

– А есть возможность?

– Ну, продавцы всегда нужны, честные продавцы. Как воровать начинают, гоним сразу, иначе подставят меня под ОБХСС, мне потом в тюрьму ехать?

– Я предложу ей, только вот с ребенком сидеть придется чужой бабульке, стыдно ее просить.

– Сделаем документы, ребенка в школу нужно отправлять, учиться надо, а не дома сидеть. Сколько лет дочке? – Блин, в этом времени все, что ли, такие участливые, или это мне так везет? Было видно, что Ирина Сергеевна абсолютно искренне желает помочь.

– Пять.

– О, тогда еще проще, пойдет в сад. Тут и сад, кстати, рядом совсем. Будете работать, зарплата у продавцов неплохая, а главное, ты же понимаешь, доступ к товару. Главное условие – не воровать. Будете честно трудиться, все будет в порядке. Соблазн большой, поэтому и предупреждаю. Тут и без воровства люди хорошо обеспечены самым необходимым, едой.

– Я понял вас. Согласен.

– Тогда держи список, начни с рыбного отдела, видишь, я написала тут, окна надо проверить, дует сильно. Что потребуется для ремонта, пиши на бумажку. Я вернусь, решим, где достать требуемое.

– Хорошо. Можно мне вчерашний ящик с инструментами, своим-то пока не обзавелся.

– Конечно. Кстати, а ты не мог бы все же начать со снега? Нужно разгрести и вычистить лестницу, чтобы люди не падали.

– Да не вопрос, Ирина Сергеевна.

– Можешь еще на вопрос ответить? – заведующая странно на меня посмотрела.

– Да, конечно, – кивнул я.

– Когда я тебя в кабинет позвала, ты так напрягся, что даже побелел, думал, я тебя в постель потащу? – вот прямо так, в лоб и спросила.

– Честно? – Она кивнула. – Да. Просто я не могу вам отказать, а я женат. Ситуация дурная, вот и шел за вами, обдумывая вариант, в котором вы меня отсюда прогоняете.

– Эх, дурачок ты, – она даже усмехнулась, – ты ж еще мальчишка совсем, хоть и красивый мальчишка. Я замужем, у нас двое детей, мне не нужен молодой любовник. Но вот с девчонками в магазине держи нос по ветру. Им ты отказать всегда можешь, но могут в ответ напакостить, так что держи дистанцию и будь бдителен. Если начнутся подходы, не тяни, а сразу ко мне. Знаешь еще почему? Могут под статью подвести.

– Что же, такие подлые есть?

– Влюбленная и отвергнутая женщина – беда для мужика. Но не бойсь, я пригляжу за этим. Хотя парень ты видный, эх, значит, угадала я, ха-ха.

Она искренне так смеялась, а мне было уже и не до смеха. Сложно все. Действительно, влюбится какая-нибудь дурочку в меня, я ее pošлю лесом, а она стырит чего-нибудь и на меня свалит, и все, на нары. Надо будет бдить и за Катериной, могут и ее подставить.

Снег я расчистил быстро, да и насыпало его немного совсем. К обеду уже закончил, и так как заведующая еще не вернулась, принялся за ремонт окна в рыбном отделе. На первый взгляд, заведующая перестраховалась, никто из продавцов на меня никакого внимания не обращал. Я тупо пришел, спросил, где дует, мне показали. Окна тут были огромные, витраж стеклянный от пола до потолка, конечно, будет холодно, но тут реально дуло. Оглядел окно, рама была металлической, из уголка, о монтажной пене здесь еще не слышали, поэтому окна утепляли всем подряд. При строительстве чаще использовали паклю, джут, а иногда и тупо тряпками затыкали и ладно. Оглядев окосячку, обратил внимание на то, что здесь щели прямо на улицу, пошел общаться с женщинами продавцами на предмет материала для утепления. Одна, постарше, завхозом оказалась, позвала за собой на склад и показала мешок со льном. Обрадовался и, схватив его, потащил в торговый зал. Народу в магазине было немного, сказывалось рабочее время, вечером, говорят, будет больше. Не стал ничего выдумывать для замены мастики, ну нет у меня тут ничего под рукой, а начал просто конопатить окно. Закончил только к четырем часам дня, как раз и заведующая подроспела. Приняв работу, удовлетворительно покачав головой, она поводила ладонью возле стыков и осталась довольна.

– Ты закончил?

Я кивнул.

– Пойдем ко мне в кабинет, – и тут же обратилась к персоналу: – Девочки, радуйтесь, теперь станет теплее.

Уходя, я услышал тихий разговор двух продавцов, но ничего дурного в нем не было, и я успокоился. Женщины просто говорили о том, что наконец-то появился нормальный работник.

– По твоему делу, – начала она, усевшись на стул, – если найдешь место для прописки, проблем не будет. Но нужны деньги.

– Неужели кто-то возьмет взятку? – удивился я.

– А думаешь, не берет никто? Парень, ты что, с луны, что ли, свалился? Да чтобы иметь доступ к свежему товару, да еще и дефициту, мне многое могут сделать. Ты видел, что у меня даже машина своя есть? Не видел? Так вот иди-ка купи ее. А мне хорошие люди очередь продвинули всего-то за десяток батонов копченой колбасы. Ты думаешь, деньги нужны на взятки? Да кому они нужны? Денег у многих хватает, а что на них купить? Нет, кому надо, я предоставлю товар, а деньги нужны для того, чтобы за него заплатить. Вот и все.

– А документы только для меня будут? – неуверенно спросил я.

– Сделаю для всех, не бойся, это не липа будет, тебя все равно проверят в милиции, вдруг ты из тюрьмы сбежал. Но денег нужно много, а у тебя их нет. Часть я смогу тебе дать в долг, отработаешь, так что скажешь?

– Ну, если точно будут настоящие паспорта, я согласен. – А что остается, надо соглашаться, смогу ли я сам все сделать, без денег? Сомневаюсь. Одни проверки сведут с ума, ведь нас же здесь нет и быть не должно, как проверишь?

– Не только паспорта, – продолжала Ирина Сергеевна, – если супруга будет у нас работать, ей сделают бумаги об окончании ПТУ, тебе тоже, плюс тебе нужен военный билет, или ты в армию сходить хочешь?

– Я служил, просто бумаг нет.

– Тем более, второй раз, что ли, служить? А почему не хочешь съездить назад в свою деревню и обратиться за документами?

– Не хочу, моя жена – дочь нашего областного руководителя, который был против нашего брака. Мы сбежали, жили в деревне, он даже не знает, что у него внучка есть. Мы многое пережили, рисковать вновь я не хочу. Катерина и так два года растила дочь в одиночку, пока я в армии был, вы же знаете, каково это.

– Хорошо. Что будем делать с деньгами?

– Я найду, есть одна вещица, от родителей осталась, продам и деньги будут. Сколько нужно?

– Что за вещица? – живо заинтересовалась Ирина Сергеевна. – Может, я куплю?

– Это не ювелирка, она будет интересна только историкам, те дадут за нее хорошую цену.

– Парень, ты икону продаешь, что ли? Смотри, не попадись, за это по головке не погладят, – предупредила она, а я не стал ее разубеждать, пусть думает, что хочет.

– Так сколько нужно?

– Тысячу завтра, остальное после получения бумаг, – выдохнула она, – аванс я заплачу за тебя, остальное – сам.

– Идет, – коротко кивнул я.

– Пока денег у тебя нет, вот держи пятерку за сегодня. Смотри, за дворника буду платить трешку в день, убираешь каждый день. Есть снег, значит чистишь, нет, подметаешь крыльцо и убираешь лед, чтобы люди не падали. За работы по магазину плачу отдельно. Дам еще трешку сегодня, если выкинешь крыс со склада. Там отравы насыпали, несколько штук сдохло, воняют жутко. Согласен?

– Конечно, – кивнул я. На что не согласишься ради семьи. Попросил рукавицы, дали легко, а с ними уже и крысы не крысы.

Сегодня на работе я пробыл до половины шестого, вернувшись домой вновь с хлебом и молоком, а также притащил три килограмма картошки. Причем за это я не платил, мне опять дали в качестве бонуса. Я даже попытался рассчитаться, но заведующая не приняла деньги. А зарплату мне, кстати, неплохую предложили, для дворника-то. Двадцать два или двадцать три рабочих дня в месяц, итого под семьдесят рублей, нормально. Помню, мама в детстве рассказывала, что у нее в детском саду зарплата была восемьдесят рублей. Так там с детьми целый день, а тут с метлой, разница есть. Здесь легче.

Катя вначале обалдела от новостей, а потом от того, что деньги нужны срочно. Едва поел, отправился вновь в разведку, сейчас это как бы не единственный шанс. Блин, идти-то не близко, по прямой вроде фигня, километров пять выходит, но по прямой можно только на карте указать, пройти нереально.

Проводя таким макаром уже вторую ночь, почувствовал, что устаю. Да и холод, зараза, достал. Точнее, меня бесят резиновые сапоги. Я хоть и наматываю зимние портянки, да толку-то от них, резина стынет. Поэтому вторую ночь я всю не высидал, а ушел посреди ночи. Уже

на подходе к дому Лидии Николаевны чуть не угодил в милицию. Какие-то ухарцы обокрали одну изстроек, расположенную поблизости от деревни старушки, они убегали, милиционеры догоняли, как в кино, блин. Вовремя услышав свистки, я насторожился, а когда увидел бегущих, нырнул в ближайшие кусты и молился, чтобы стражи порядка не остановились. Те, скорее всего, видели, сколько было преступников, поэтому пробежали мимо, дуя в свистки. Как только они скрылись из вида, я поспешил домой. Узнал я сегодня немного на первый взгляд, но узнал то, что нужно. Подожду еще чуток, понаблюдаю, если все будет, как и в эти два дня, рискну на «подвиг». Просто сегодня все у жуликов происходило так же, как и прошлую ночь, столько же людей, те же машины. Заметил лишь, что дежуривший в доме человек был другим, а тот, что в прошлый раз бдил, вернулся с основной группой. По всему выходило, что они так меняются, один на хате сидит, не знаю, добро стережет или что, остальные «работают». Охранника каждый день меняют, чередуя, видимо, по очереди. Буду наблюдать, как там выйдет, не знаю, но двух дней точно мало.

Утром, если честно, я был уже менее активен, чем в предыдущие дни. Начала накапливаться усталость. Закинул удочку заведующей насчет ненормированного рабочего дня, та легко согласилась, тем более что и работы-то особой не было. Ирина Сергеевна поведала мне о том, что дала ход по моему вопросу, так сказать, аванс занесла. Сразу обозначилась проблема, военный билет сделать, наверное, не получится. Но это не главная проблема, она может возникнуть только при приеме на работу, так-то он не сильно и нужен в жизни. К себе в магазин она меня устроит и так, а мне посоветовала отпустить усы, чтобы выглядеть старше, тогда никому и в голову не придет потребовать у меня военный билет.

Катю я в магазин не привел, отговорившись тем, что ей нечего надеть. Ирина Сергеевна и тут показала себя во всей красе, просто выдав мне двести рублей, под расписку, и указала магазин, в котором я смогу купить все, что нужно для жены и ребенка. Сумма показалась мне большой, но меня предупредили, что женская обувь дорогая, поэтому может еще и не хватить. Так же Ирина Сергеевна сделала один звонок по телефону, прямо при мне пообщавшись с какой-то Ниночкой и объяснив последней, что ей очень нужно помочь одному молодому человеку.

– Ирина Сергеевна, можно вопрос, деликатный? – все же решил я расставить все точки над «ё».

– Да, Александр, что такое? – вид женщина имела самый участливый, но это меня как раз и пугало.

– Вы извините меня, но я не привык к такому, – я чуть замялся, – почему вы помогаете мне, только честно? Ведь такие затраты, суета, необходимость с кем-то договариваться, а значит, в будущем быть готовой оказать ответную услугу, стоят дорого.

– Честно, говоришь? Ладно, отвечу. Только ты мне должен написать расписку, что не откажешься от долга, сам понимаешь, если сбежишь, я сделаю так, что тебя объявят в розыск и ты сядешь. – Ничего себе, вот это уже жестко. Лицо у заведующей стало твердым, а взгляд холодный, как лед.

– Конечно, не сбегу, я же заинтересованное лицо, – пожал я плечами, показывая свою лояльность.

– Я на тебе заработаю, – просто так, без обиняков заявила заведующая. – Как, вынесет твоя честь такое? – она даже усмехнулась, произнося слово «честь».

– Не вижу тут ничего плохого. Почему имея возможность заработать, не сделать этого?

– Потому, дорогой мой юноша, что это незаконно. Даже разговаривать о таком нельзя, тем более совершать. Да, все дело обойдется дешевле, чем я с тебя возьму, но я говорю об этом честно и в лицо. Если ты согласен, нам обоим будет хорошо.

– Я еще вчера согласился. Но и вы, уж извините, Ирина Сергеевна, я тоже честен с вами, как видите, выдадите мне потом расписку о том, что я вам больше не должен.

– Естественно, молодой человек, за кого ты меня принимаешь?! – За того и принимаю, уважаемая, потому как чую, что ты можешь и кинуть, но пока просто не заинтересована в этом. Ладно, будет день, будет и пища. Если мне и моей семье будут угрожать тюрьмой или жизнью... Да я пойду на что угодно.

С деньгами в кармане, одетые кое-как, мы с Катериной топали в магазин за шмотками. Супруга была в легком шоке от вида родного города пятидесятилетней давности. Ее интересовало буквально все вокруг, в первый выход мы с ней не ходили по магазинам и людным местам, а теперь смело шагаем рядом с другими людьми, идущими по своим делам.

Одевать жену пришлось долго. Во-первых, она у меня, как и большинство женщин, привереда. А во-вторых, выбор был небольшим, мода-то сейчас не как в двадцать первом веке. Но за счет того звонка от Ирины Сергеевны нас обслужили, как надо. Проведя через запасной выход внутрь складского помещения, нам предоставили придержанные «для своих» товары. Мне было проще, подобрали теплые штаны моего размера, трико, майки и трусы с носками, а также шапку и теплые зимние сапоги. А вот Катя выбирала чуть дольше. Она не хотела ходить в шали, но и шапки женские ей не нравились, а на меховую у нас пока не было средств. Остановились на теплом, вязанном из каких-то красивых ниток платке. Почти такая же эпопея вышла и с пальто. Ну что поделать, если тут сейчас такая мода и скудный выбор? Три фасона и столько же расцветок, полчаса мерили, и все же остановились на бежевом, довольно неплохо сшитом пальто. Катя в нем приобрела вид «местной женщины», это я шепнул ей на ухо, за что чуть не получил уже в свое. Да, женщине трудно угодить, особенно если у нее отнимают выбор. Привыкли наши дамы в двадцать первом веке к бесконечному набору одежды в магазинах, а тут все не так. С обувью вышло проще, не хочешь носить суперизделие от бренда «Скороход», бери, что дают. А давали польские, довольно красивые, а главное качественные зимние сапоги, даже размер Катин был. Смешнее всего вышло с юбкой и рейтузами, ну не брюки же жене брать, мало кто в них сейчас ходит, построила гримасы, выбирая юбку, но подобрала. Когда закончили с подбором детской одежды для дочки, выяснилось, что у нас не хватает денег. Из положения вышли легко. Та женщина, что нас обслуживала по просьбе Ирины Сергеевны, просто позвонила той и записала в долг сто двадцать рублей. Ну, не хватило нам, что поделать. Я больше не думал о том, что все это выглядело подозрительным со стороны заведующей, просто понял, что она на мне «поднимет» гораздо больше. Но деньгами разжиться мне нужно как можно скорее. Главное, я абсолютно уверен в том, что сделаю это, ибо у нас есть преимущество, мы – из будущего.

Лидия Николаевна встречала нас радушно. Я рассказал ей все, она немного посомневалась, но все же пришла к мнению, что я поступил единственно возможным способом. Ведь реально по-другому никак. Аленка вовсю развлекается с бабулей, та придумывает различные игры, и они весело проводят время. На сообщение о том, что скоро мы пойдем в детский сад, дочь отреагировала нервно.

– Опять? Пап, я же была в саду, что я маленькая, что ли?

Пришлось быстро увести ее в сторону и попросить больше об этом не говорить. Хотя подозреваю, что наша хозяйка уже ее расспрашивала о нас. Ну и ладно, пусть Лидия Николаевна голову ломает, почему по словам девочки мы стали молодыми, все равно до правды явно не додумается. В такое не поверишь.

Сегодня я предупредил заведующую магазина, что завтра выйду чуть позже, срочное дело вылезло. Дело было банальное сон, нужно выспаться, а то опять ночью в засаде сидеть, после третьей ночи я работать не смогу. Вечером все дружно поели, Катерина переживала насчет того, как ее встретят на новой работе, я успокаивал, у нее есть целый день, чтобы подготовиться, это я так договорился.

После ужина, уже в третий раз я уходил в ночь. Сидеть в кустах, наблюдая за бандитами, надоело уже через час, просто ничего не происходило до середины ночи. И вот когда я, уже подмерзнув, хоть в новых сапогах было все же не в пример теплее, собирался уходить, подъехала машина. Та же, что и прежде, но вот людишек явно добавилось. Те же четверо бандитов и две бабы. Женщины ржали задорно, пьяные скорее всего, мужики повели их в дом, и вскоре оттуда начала доноситься музыка и смех. Во орут, ничего не боятся, а если ментов кто-то вызовет? Блин, какие менты, тут до ближайшего частного, а главное, жилого дома метров триста, дом укрыт от основного поселка парком, его и не видно почти. Так-то тут разных строений хватает, но жилых нет. Понаблюдав еще с полчаса и все же решив уходить, вновь застыл от происходящего. По подъездной дороге тихо, без света фар двигались сразу две машины. Даже в темноте, фонарей тут не было, но свет из окон немного освещал округу, я разглядел «мигалки» на крыше.

– Вот это ни хрена ж себе, сходил за хлебушком! – даже выпалил я. Только думал о ментах и вот тебе, приперлись. Ёперный театр, неужели в газетных статьях напутали, или менты тогда дали неточные сведения об операции по аресту банды? Ее же должны только летом взять, я точно помню, даже если бы перепутал год, то уж лето от зимы я всегда отличу. Там точно говорилось о том, что было жаркое лето, а кто-то из преступников пытался убежать вплавь через Волгу. Ну не в декабре же он плыть захотел? Что-то не сходилось, а это пугало.

Тем временем действие развернулось нешуточное. Стрельбы не было, это не «Бандитский Петербург». Милиционеры, подъехав, осветили фарами дом, включив их одновременно, а затем через мегафон объявили бандитам об окружении и сдаче. Как Глеб Жеглов Горбатову кричал, так и тут. Я смотрел во все глаза, думая только об одном, неужели я попал впросак? Отгоняя дурные мысли, я ждал и смотрел. Вот милиционеры приняли одного, затем вошли втроем внутрь, кто-то из бандитов и правда побежал в сторону Волги, но его быстро скрутили, опять же без стрельбы. Затем к машинам милиции присоединилась еще одна, точнее один, автобус. Что-то вроде «пазика», в который и начали грузить бандитов. Спустя час автобус и одна из машин покинули место действия, но оставалась еще одна. На улице самая середина ночи, мать их за ногу, у меня даже сонливость ушла, смотрю и глазам не верю. Что же делать-то? Все так хорошо начиналось, а теперь как? Я должен деньги, обо мне уже в курсе и получили аванс коррупционеры от МВД, а я пустой!

В который уже раз за эту длинную ночь я собираюсь уходить отсюда, когда в оставшейся машине зажигаются фары. Хлопают двери, автомобиль медленно разворачивается и уезжает прочь.

– Или рискнуть сейчас, или завтра проиграть всё, – прошептал я и решился.

Обойдя дом по кругу, не заподозрив ничего опасного, я направился к дверям. Простенькая деревянная дверка была опечатана, белевшая бумажка подсказала мне об этом. Слегка потрогав ее, обнаружил, что приклеена она кое-как, поэтому просто отцепил один край и потянул дверь. Не заперто, отлично. Войдя внутрь, остановился, чтобы дать глазам привыкнуть, здесь совсем темно, даже отсветов никаких. Медленно пробираясь, кругом была поваленная мебель, я добрался до окон. Ощупав занавески, нашел, что искал, толстые темные тряпки, видимо, бандиты на ночь их вешали как шторы. Опустив на каждом из трех окон эти эрзац-шторы, стал искать лампу. Нашлась она быстро, а вот спички пришлось поискать, обнаружил на ощупь коробок на полу, блин, в грязи какой-то перемазался весь, как черт, наверное.

Дом потрошили, это было видно сразу. Лампа давала тусклый свет, но его хватало, чтобы видеть все вокруг. Разгром шведов под Полтавой, вот что тут было. В состоянии, близком к отчаянию, я иду в нужный угол. Тут стоит небольшой диван, отмечаю про себя, что его как раз не трогали. Тяну за один угол, блин, тяжелый какой, затем за второй, отодвигаю его от стены на полметра. Отлично, хватит. Присаживаюсь в углу на корточки и разглядываю бревно нижнего венца. Стены в доме обычные, не обшиты ничем, сруб, как он есть. Следов никаких

не видно, но судя по рассказу милиционера в будущем, бревно должно быть с сюрпризом. С собой у меня была плоская отвертка, прихватил еще в первый день в магазине, так, на всякий случай, ночью спокойнее, когда под рукой есть острый предмет. Начинаю тыкать отвертку в щель между бревнами и поддевать. Ощупав так около полуметра стены, внезапно понимаю, что бревно поддается. Ковыряю быстрее рядом, есть, кусок бревна, державшийся на гвоздях, забитых хитро, падает на пол. А нормально придумали. Откололи кусок бревна, с внутренней стороны забили два гвоздя, шляпки откусили. Ставишь деревяшку назад, бьешь посильнее и, перед тобой вновь целое на вид бревно. Приколно. А за этой фальшпанелью был тайник. Интересный такой. Я вначале, увидев просто щель, куда можно просунуть кулак, так и хотел сделать, но в руке была отвертка, и сунул я ее, хотел померить, глубокая ли дырка. Что-то звонкобрякнуло, почувствовав удар по отвертке, я дернул ее назад и вытащил небольшой капкан. Вот суки бандиты, да и менты хороши, чего ж в статье не указали, что тут капкан стоит, жалко вам было, что ли? Чуть без руки не остался. Реально, скобы капкана были заточены так, что вмиг отрезали бы мне кисть, на человека и рассчитано, сразу видно. Остерегаясь еще одной подланы, я прощупал отверткой весь тайник более осторожно и тщательно. Сюрпризы кончились, пора доставать то, что там лежит, что-то мягкое, кстати. Поддевая отверткой, а затем перехватив пальцами, я вытащил на свет женский головной платок. Не понял, пусто, что ли? Паника поднималась и мешала думать. Сую руку как могу глубоко и натыкаюсь на какие-то предметы. Подхватив тремя пальцами один из них, тяну наружу. Есть! Пачка десятирублевых.

«Штука», – пролетает в голове мысль, а рука лезет в щель.

Только когда уходил от дома, вдруг подумал, что даже не запираю за собой дверь, когда находился внутри. Обо всем на хрен забыл, думая о неудаче. А вышло-то все отлично!

Обернулся лишь раз, уже будучи на середине реки, услышал хлопок. Негромкий, это не взрыв, но все же обернулся с интересом. Дом бандитов полыхал, как пионерский костер в одноименном лагере, а всего-то облил остатками керосина из лампы стену и пол в том углу, где был тайник, и запылил костерок. Зачем оставлять отпечатки, зацепки для розыска, проще было сжечь это осиное гнездо. Кстати, оно по документам тех же ментов и должно было сгореть буквально через неделю после ареста жителей. Раз арест провели раньше, значит, и сгореть дом должен был раньше, логично?

Возле стройки в районе нашей деревни, где прошлой ночью я прятался от воров и преследующих милиционеров, в нескольких метрах от меня раздалась трель свистка. Мама дорогая, никогда так не бегал. Мне свистели или нет, было как-то не интересно узнавать, поэтому я рванул так, что, кажется, побил все рекорды, ибо через пару минут галопа обнаружил себя поблизости от судостроительного завода, а он в двух километрах от того места, где я услышал свист.

– Ни хрена себе, Усейн Болт отдыхает, – выругался я и побрел, пытаясь восстановить дыхалку, в сторону проспекта Ленина.

Скоро светать начнет, провозился я долго, главное теперь добраться до дома, а то при мне серьезные улики. Дом бандитов я собирался сжигать однозначно, хотя бы для того, чтобы никто не узнал о разграблении тайника. Но вот вещи, которые я в нем обнаружил, сжечь не поднималась рука. Несколько узелков, размером с теннисный мячик, связанные из носовых платков, были наполнены драгоценностями. Думаю, старинного тут ничего нет, простенькие сережки, кольца и цепочки, но все из золота, даже с камушками. Решил забрать, не поднималась рука сжечь вместе с домом и подкинуть ментам. Приложу записку, дескать, так и так, это наворованное, прошу распорядиться как следует. Растащат сами менты? Ну, а я что сделаю? Значит, растащат. Себе я оставил только деньги, а было их немало. В будущем журналист, когда брал интервью у оперативника, возможно, ошибся, или понял не так, как надо. В газете писали, что денег было больше ста тысяч рублей, возможно, милиционер имел в виду общую стоимость находки вместе с золотом, так как денег там было чуть больше тридцати тысяч, лишь

одна пачка была в банковской упаковке, самая первая, которую я вынул из тайника, остальные просто туго связанные бельевой резинкой. Подсчитал я это чуть позже, когда наконец-то вернулся в дом Лидии Николаевны.

Едва заснул, время-то под утро было, как меня разбудила хозяйка, и вид имела при этом очень испуганный. Войдя в кухню, увидел сидевшего на табурете перед столом милиционера. Сердце екнуло, мысли понеслись галопом, как я сам ночью от свистков.

– Гражданин, это вы называете себя Александром Андреевым? – первый же вопрос заставил думать в другом направлении. Откуда ему известно о моем имени и вообще обо мне?

– Я, – спокойно ответил я. Главное не зевнуть, спать хочу, глаза, наверное, как у алкаша с бодуна.

– Я пришел познакомиться и записать ваши показания, для проверки данных о вас. Ирина Сергеевна мне, конечно, все объяснила, но я должен был лично пообщаться с вами.

Фу-у-у. Значит, это «казачок» от заведующей. Ладно, давай пообщаемся.

– Зовут меня Никита Владимирович, фамилия Замков, я участковый по вашему району.

– Давайте поговорим, – кивнул я.

Участковый задавал нужные ему вопросы, все больше касающиеся наших личностей, упирая на детали, по которым можно подтвердить наши слова. Выдавая заготовленную информацию, именно ту, которую в свое время предложила наша бабулька, я держался ровно. Я и заведующей рассказал именно эту схему. Через полчаса разговоров милиционер захлопнул свою папку, заявив, что ему требуется подпись самой Лидии Николаевны, если она подтверждает наши слова и свидетельствует в нашу пользу, вопросов у него больше нет. Бабуля ловко подмахнула там, где ей указали, да еще и попросила милиционера рассмотреть дело побыстрее, а то внук, то есть я, не может на работу устроиться.

Не знаю, к чему приведет наша ложь, ведь проверка все равно будет, но пока участковый ушел довольным. А может, он просто пробьет меня на предмет нахождения в розыске, да и оставит все так, как есть, ведь, судя по словам Ирины Сергеевны, деньги-то он получит немалые. Тут ведь еще нюанс был, у жителей деревень на данный момент паспортов-то нет, максимум временный паспорт, когда еще нормальные документы для селян введут. Так что шанс на то, что все пройдет спокойно, был, и немаленький.

Кстати о деньгах. Пересчитали осторожно вместе с женой, тридцать шесть тысяч пятьсот пятьдесят рублей, живем. Катя сразу потребовала отнести долг заведующей, я согласился, а еще прихватил штуку, которую она внесла за меня как аванс за документы.

В магазине сегодня прибавилось работы. Девчонки разбили витрину случайно, пришлось вынимать осколки, подравнять рамку, а потом вместе с завхозом ехать на автобусе в магазин стекла. Заведующая решила проблемы магазина сама, без обращения в управление Продторга, а может, она с них потом взыщет, кто ее знает, как у нее все устроено.

Первый раз в этом времени я ехал на автобусе. Жутко, но обалдел от дороги. Она явно лучше, чем будет в будущем, правда, тут сказывалось то, что район еще не очень заселен, да и грузовики, разбивающие дороги, здесь почти не бывают, так, единицы, по сравнению с будущим. «ЛИАЗ-луноход» ехал бодро, при этом даже не скрипел и не пердел, завывал мост, да, а так вполне неплохо, эти автобусы еще совсем новые, это позже они в ведра превратятся. Но все же, думаю, где-нибудь на разбитом асфальте или проселочной дороге душу он вытрясет знатно.

Стекольная мастерская, хрен знает, как еще ее назвать, располагалась на окраине города, но с противоположной стороны от нашего дома. Это старый район, здесь находились элеваторы, хлебозаводы и прочая промзона. Стеколка находилась в небольшом одноэтажном доме, кирпичном и крепком. С одной стороны были даже ворота, чтобы грузовик смог заехать для

погрузки-разгрузки. Мастер на приемке взял у меня бумажку с размерами, уточнил, чистые ли это размеры или с припуском, и ушел куда-то в подсобку. А уже через полчаса мы с завхозом двигались в обратном направлении, ужасно переживая за целостность стекла. В ходу тут сейчас только «двойка», другой толщины нет, неудивительно, что они часто лопаются. Наша покупка была размером шестьдесят на сто двадцать сантиметров, поэтому в автобусе еле нашли место, чтобы нас не раздавили, ну, стекло, разумеется. Доехали без приключений, но дорога в это время занимает ужасно много времени. В будущем, даже на автобусе, этот путь можно проделать минут за сорок-пятьдесят, а сейчас...

Закончив возиться с прилавком-витриной, заменив стекло, я направился чистить улицу, погода испортилась и повалил хороший такой снег, укрывая все вокруг невероятно быстро. Да, можно и подождать было, чтобы не чистить второй раз, но дело шло к вечеру, хрен его знает, когда он кончится. Придешь завтра, а тут сугробы в метр, иди тогда разгреби попробуй. Все же легче убирать малое количество, чем большое. Вот и чистил, даже нравилось. Я ж как-никак помолодел, а значит, здоровье-то вернулось. За этим занятием меня и нашла заведующая.

– Александр, звонил участковый, завтра к десяти сходи к нему, дальше он тебе сам все расскажет, хорошо? Вроде как там все нормально, насколько я поняла.

Вечером рассказывал Кате уже не первый раз о том, что ждет ее в магазине. Как ни крути, несмотря на отданные долги, я подписался поработать полгода на заведующую, слово надо держать. Да и куда сейчас идти, мы и не придумали толком, чем займемся, видно будет. Надо иметь хоть какое-то представление о том, как можно жить, а как нельзя.

Утром (я в первый раз нормально выспался сегодня, ночью-то теперь дома, не надо было сидеть в засаде) вынужден был оценивать готовность жены к работе. Она переживала, все же прогулка по улице, провалившись в прошлое, совсем не то же самое, как работа в коллективе. Нужно очень внимательно отслеживать свою речь, быстро вникать в то, что говорят местные, и не выглядеть инородным телом. Думаю, не без труда, но справится.

– Саньк, а хорошенькая у тебя жена! – заметила днем одна из продавщиц овощного отдела. Женщины и девушки собрались на обед, все располагались в одном помещении и готовили себе еду. – С дитем, а выглядит идеально!

– Я знаю, – улыбаясь, ответил я. Я всегда и везде одинаково любезен, не люблю грубить, стараюсь оставлять хорошее впечатление, хотя, конечно, зависит от ситуации.

Сегодня я уходил раньше окончания рабочего дня. Утром, придя к назначенному времени в отдел участкового, был направлен на снятие отпечатков пальцев, ну, точно пробивает меня по милицеейским базам. Откатав пальцы, я ушел обратно на работу, а вот сейчас вновь топал в милицию. Участковый позвонил заведующей и передал через нее приглашение, если так можно сказать.

– Ну, по нашему городу ты чист, я решил не тянуть с твоей регистрацией, пока идет проверка, не покидай место жительства и работы, хорошо?

Я сидел в кабинете участкового и выслушивал его рассказ о том, как он занят и сколько приходится тратить времени на меня.

– А зачем мне его покидать? – удивился я.

– Мало ли, вдруг уехать куда захочешь? – прищурился участковый.

– Да куда я не собирался, зачем? Я только устроился на работу, мне все нравится.

– Ясно. Слушай внимательно. Завтра, к девяти часам утра ты, вместе с женой и вашей бабушкой, должны прибыть в отдел ЗАГС Пролетарского района. Знаешь, где он?

– Знаю, – я кивнул, – был там, специально ходил.

– Ну и хорошо. – Дальше были точные инструкции, к кому подходить и что говорить, а также участковый без стеснения назвал сумму, которую я должен передать человеку в загсе. На мои опасения, что это могут принять за взятку, ответил тот просто:

– Ну, если ты такой дурак и протянешь деньги прямо в кабинете и при посторонних, то тогда тебе вообще не надо никуда ходить.

Выслушав все предостережения, а также узнав, наконец, сумму благодарности самому менту, ушел домой, охренев от цен. Нет, я понимал, что это будет дорого, но не до такой же степени. Участковый попросил три тысячи рублей, нехило по этим временам. А ведь мне еще и заведующей нужно «закинуть», сейчас вот дойду до магазина, да и спрошу в лоб, сколько хочет она.

Ирина Сергеевна была сребролюбом не менее ярим, чем участковый. Свои услуги она ценила высоко, но надо признать, что и сделала немало. Объявив мне сумму, сразу оговори-лась, что она вовсе не требует от меня выплатить все и сразу. Работай, говорит, да и отдашь потихоньку. Я же уверил ее, что продал свою ценную вещь, о которой рассказывал ей ранее, так что могу и сразу отдать. Ирина Сергеевна очень удивилась, но я объяснил, что вещь, имев-шаяся у меня, была очень дорогой, просто раньше я боялся ее продавать, а теперь вот решился.

Сумма благодарности заведующей равнялась сумме участковому. Да, она говорила, что вся ее помощь это вложение в будущую прибыль, но я не знал размера, теперь же обалдел, но был рад. Да, предстоит оплатить еще и услуги работника загса, но ничего, не обеднеем, главное, чтобы все сделали как надо. А заведующая, думаю, специально цену загнула, думала, у меня столько нет и я вынужден буду и дальше пахать на нее всю жизнь.

Вечером Катя делилась впечатлениями о первом рабочем дне в этом времени. Эмоции били через край, жена словно расцвела, в последние дни, исходя из произошедших событий, она была в депрессии. Теперь же я вновь видел перед собой ту веселую, красивую молодую девушку, которую полюбил еще двадцать с лишним лет назад.

– Представляешь, у меня просят взвесить килограмм мойвы, а я даже не знаю, как она выглядит. Ну, представление-то имею, а тут целая витрина всякой рыбы, поди найди ее. Я как дура стою, глазами хлопаю, хорошо напарница помогла и подсказала. Пришлось соврать, что раньше работала на одежде. Вроде поверили.

– Ничего страшного, если захочешь, привыкнешь, – одобрительно кивнул я, погладив Катерину по волосам.

– Саш, ну, не начинай, как будто сам не понимаешь, что я не смогу здесь расслабиться! – услышал я укор. Да уж, блин. А ведь хочется! Она такая вся... вкусная, аж слюнки текут, а места подходящего нет. О, придумал!

– Попросим Лидию Николаевну в субботу посидеть с Аленкой, типа прогуляться хотим...

– И чего, в сугробе, что ли? – с укоризной во взоре бросила Катерина.

– В гостиницу съездим, – заключил я, озвучив свою «гениальную» идею.

Время пошло быстрее. Ирина Сергеевна вновь проявила свои недюжинные таланты и устроила Аленку в сад без документов, обошлось всего в две сотни рублей, даром. Расстрои-лась от этого не только сама дочь, но и Лидия Николаевна. Ей было весело с нашей дочуркой, какой-то интерес к жизни появился. Дети-то разъехались и почти не бывают, скучно человеку. Мы даже с Катей передумали и решили продолжать жить у бабушки, по крайней мере пока. Решили, что Аленка будет в саду полдня, а потом ее станет забирать Лидия Николаевна, тут недалеко.

В тот день, когда я озвучил жене вариант снятия номера в гостинице, ну, для секса, конечно, мы тут же придумали и продолжение, в котором мы просто снимаем жилье и переез-жаем туда жить. Начали даже думать, как это преподнести Лидии Николаевне, жаль бабушку, ведь она нас, по сути, спасла тогда. Кто знает, смог бы я в ту ночь найти спички и разжечь

огонь, чтобы не дать замерзнуть и себе, и моим девчонкам? Да и привыкли к ней уже, хоть и прошло всего две недели с нашего попадания сюда.

Первое же наше свидание с женой в гостинице чуть не обломалось. Там спрашивали паспорта, а у нас их пока не было. Все спасла пятерка девушке на стойке регистрации, которая вошла в положение и сдала номер. Ходил я один, снял номер на пятом этаже, в ресторане гостиницы заказал ужин, все по фэншую. Вечером мы отпросились у нашей хозяйки погулять, на что нам было сказано с веселой хитринкой в глазах:

– Гуляйте, голубки, дело молодое!

И мы последовали совету бывалого человека. В ресторане на двенадцать рублей объелись всякой всячины и с трудом дошли до номера. Хорошо хоть вина не пили, мы никогда не были любителями этого дела, так зачем начинать здесь? В номере сначала легли на широкую кровать и ничего делать не стали, так как реально объелись. Еще бы, после нехитрой кормежки у Лидии Николаевны, солянка, жареная красная рыба, пара овощных салатов и десерт из мороженого сделали свое дело. Лежим такие, смотрим в потолок и ржем. Ну надо же так дорваться! В общем, ночь была бессонная, мы радовались нашим молодым телам, ненасытностью и факту новой жизни. Пусть теперь и без благ двадцать первого века, но мы оба пришли к мнению, что молодость стоит любых гаджетов и интернета, вместе со всей дерьмократией. А о последней мы еще поговорим, позже.

Кстати, только на третий день после переноса в это время Катерина вдруг спросила меня о сигаретах. Да, это было моей маленькой бедой, никак не мог себя перебороть, курил как паровоз. Начал рано, еще в десять лет, подвергся влиянию компании и попробовал. Затем продолжил, а бросить уже не смог. В молодости и не думал, а когда задумался, оказалось, не могу. Слишком нравилось мне вдыхать сигаретный дым, наверное, потому и не смог. Сколько разговаривал с людьми, сумевшими бросить, у всех них была одна общая черта, им не нравился дым, не нравился процесс, не нравилась вонь. Кроме вони, конечно, все остальное меня устраивало, вот и продолжал это грязное дело. Так вот, Катерина вдруг спросила меня, а я завис с ответом. Осознав вопрос, я с улыбкой и облегчением выдохнул и обещал супруге не начинать вновь. Раз дали новую жизнь, надо беречь организм, а то опять куча болезней придет к сорока годам, больше не хочется как-то. Надо бы еще спортом заняться, а то в прошлой жизни, несмотря на курение, я активно увлекался плаванием, обожаю воду. В тренажерном зале немного таскал железо, без фанатизма, только для поддержания формы, ну и еще со школы увлекался рукопашным боем. Рос я в девяностые, нужно было уметь защищаться, я и пошел вместе с парой друзей в секцию. Ребята быстро остыли, ведь даже реальный рукопашный бой, армейский, не имеет ничего общего с карате из голливудских фильмов, на которых мы тогда росли. Страна-то была в заднице, после известных событий, нашего ничего не снималось, а тут невидаль, фильмы про каратистов! Я бы тоже, наверное, бросил тренировки, но меня с первого дня опекал тренер. Сначала я не понимал его внимания, тренировался как все и по фигу мне было, а позже, примерно через год, тренер вызвал на разговор и доступно объяснил мне, что со мной будет, если перестану заниматься. Я не обладал каким-то сверхсильным ударом, не имел бицепсов, как у Ван Дамма, но тренер отметил во мне кое-что особенное и принялся это развивать. Я с детства был егозой, таких называют «шило в заднице». Вот и начав заниматься, я побеждал своих ровесников в спаррингах только за счет одного – скорости. Сам я тогда не понимал этого, но тренер смог достучаться до оболтуса и внушить мне правильную философию. Тогда он точно описал, что будет, если я уйду из секции, которая меня дисциплинирует, на улицу. Проще говоря, дам кому-нибудь в бубен, да и уеду на зону, вот и все, что может меня ждать в жизни. В это я как-то легко поверил, потому как примеры такого начали появляться буквально каждый день. К концу школы из двенадцати парней моего класса один умер, трое сидели, а остальные также не имели никаких хороших перспектив. Поэтому зани-

мался я усердно, особенно когда начал взрослеть, видимо, ума прибавилось. Мой спорт был нужен только мне, тренер сразу предупредил, что обучит всему, что знает сам, но выступать я не смогу. Потому как этот вид боевого искусства был направлен на достижение результата. Не победы, а выживания. Да-да, я учился давать сдачи так, чтобы человек гарантированно не вставал. Впереди у меня была армия, поэтому тренер настаивал на тяжелых тренировках. Уже перед самой армией он дал мне хорошие уроки ножевого боя, ничего особенного, но позже они здорово мне помогли. С моей скоростью мне удавалось сделать три выпада против двух у тренера за одно и то же время, а это значило одно: обычный человек не успеет ударить меня больше одного раза, перед тем как упадет. И вот сейчас надо бы найти хорошего тренера и начать заниматься, чтобы молодое тело вернуть к нужным «настройкам». А то мозг помнит, а вот руки-то с ногами непривычные. Можно сказать, у меня новое тело, оно еще ничего особо не умеет. Да, гибкость и скорость у меня есть, но нужно наработать опыт.

Под Новый год мы все получили подарки. Мы трое – я, жена и ребенок – получили наконец документы. Лидии Николаевне сделали подарок уже мы сами, даже Ирина Сергеевна, наш работодатель, получила от меня на радостях премию, дал ей сверх того, что она запросила, аж тысячу рублей. Вызвав этим нехорошую реакцию.

– Александр, а зачем ты вообще тут у меня дворником пашешь, если деньги имеешь?

И что я мог ответить?

– Ну, Ирина Сергеевна, человек же должен где-то работать, так? Тем более я дал слово.

Разговор тогда замялся, но звоночек прозвучал. Слово я сдержу, конечно, но летом мы закончим с этой работой.

За время работы в магазине появлялись и новые знакомства, не надо думать, что кроме заведующей и жены я ни с кем не общался. Мужики в магазине были, аж двое, грузчики, конечно. Один из них еще и мясо рубил, периодически. Вот с одним у нас и состоялся разговор по интересующей меня теме. А началось все с разговора о жилье. Саша Морозов работал в магазине два года, рассказал об очереди на жилье. Работники торговли почему-то были здесь на вторых ролях, то есть стояли в очереди очень долго. Тогда я и закинул ему удочку насчет дома в деревне, на что получил удививший меня ответ:

– Езжай да живи, в любой деревне домов брошенных как грязи, кому они нужны!

Тогда я не понял его, пришлось углубляться в тему.

– Как так, почему?

– А что ты там делать будешь, в колхозе пахать и всю жизнь в сортир на улице ходить?

Весомо, но не отпугивало, с моими-то знаниями об устройстве деревенских клозетов.

– Слушай, Сань, а что, кто-то запретит мне просто жить в деревне и кормиться с огорода и скотины?

– Ты что, тетка, с луны свалился, конечно, запретят! Молоко сдавать надо? Надо. Мясо, шерсть. На что ты жить-то будешь, если все сдашь? Думаешь, почему село умирает? Потому что все в город уезжают. Один не потянешь, а нанимать работников никто не позволит, это может только колхоз.

Да, отпадает вариант. Я-то, грешным делом, думал просто свалить в деревню, да и жить спокойно, однако не выйдет. На завод я не хочу, хоть убей меня, что остается? Писать книги и надеяться, что меня когда-нибудь напечатают? Ну, а почему бы и нет. Хотя есть еще вариант, но он предполагает выход на какого-то серьезного и сильного государственника. А я бы этого не хотел. Да, кто-то сейчас кричать станет, типа попал в СССР, надо быстрее бежать, предупреждать, учить и спасать. А куда бежать? К кому? Это в фантазиях писателей будущего можно прийти к Брежневу, Андропову, Суслову, Машерову, нужно подчеркнуть, и он сразу во все поверит, в рот смотреть станет и слушаться. Не смешите мои тапочки. Да никто не станет слушать какого-то пройдоху, а я для них именно пройдоха, не более, пока за мной нет ничего

совершенного лично мной. Да ни один чиновник не сможет сделать что-то серьезное в масштабе страны, ни один. Государство, управление, это такая машина, что раздавит любого. Вам, советчикам, никогда не приходила мысль, почему Ленин, а до него гребаные либералы-депутаты власть свергли и все на хрен разрушили? Имею в виду именно разрушение, а затем... Да потому, что без слома системы перестроить ее не получится, это очевидно. Каждый, кто сидит у власти, будь он сто раз патриот и обожатель СССР или другого строя, не встанет против системы. Просто потому, что он и есть система. Ему и так хорошо, зачем что-то ломать? А вдруг не удастся построить? Более того, у всех в памяти пример того, как один раз сломали. Где была основная масса этих революционеров буквально через пять-десять лет? А не стало их, каток все смял. Остались единицы и террором смогли удержать страну. Я ни в коем случае не хочу сказать, что Коба или Берия виноваты в чем-либо, нет, я о другом. Я о людях. Сколько погибло простых людей? Кто-нибудь считал? Вот правда? Когда изучал революцию, охренел от цифр, за пять лет, с семнадцатого по двадцать второй, погибло, я думаю, не менее чем позже за всю Отечественную войну. Просто толком никто не считал. Поэтому я и не хочу вылезать с советами, как жить, уберут меня и всю семью, да и забудут. Появится возможность, конечно, кому-то что-то я подскажу, например, что срочно золото надо закупать, как можно больше. Вот это дело, в государственных масштабах можно так поднять запасы страны, аж дух захватывает. Уже через четыре года оно поднимется в цене в несколько раз, а в восьмидесятом будет пик. Да, потом начнется падение, но золото уже никогда не будет стоять ниже двухсот семидесяти долларов, при том что сейчас тридцать пять. Нехило, да?

– Сань, а как думаешь, что сейчас в Коприно? – В один из дней января мы с супругой возвращались с работы и болтали.

Коприно, село на берегу Волги, куда в той жизни мы очень любили ездить гулять. От города сорок с небольшим километров, по дороге, на машине меньше получаса, зато какая там красота... Красивейший сосновый бор, прекрасные виды на Волгу, в той части у нее ширина больше двух километров, самый выход в Рыбинское море.

– Да ничего там сейчас нет, – подумав, ответил я. – Небольшие деревеньки, разбросанные между лугами и перелесками, глушь и красота. Красота-то никуда не делась, она, напротив, сейчас еще нетронутая.

– Вот бы побывать...

– Не вижу проблемы, – пожал я плечами, – узнаю расписание автобуса, и съездим. Дороги там сейчас, конечно, беда, потрясемся знатно, но добраться можно.

– Наверное, не один час ехать надо.

– Узнаю, в выходной возьмем да и съездим. Чего дома-то сидеть?

– А я за «Метро» взялась, – вдруг сменила тему Катя.

– Когда успела-то? – удивился я.

Мы обсуждали мимоходом, будем что-то писать или нет, но пока не решали конкретно. Тема «Метро» у нас была и в той жизни. Помню, сколько фанфиков на господина «Г» появилось после его книги. Самое смешное, что его вариант мне вообще не нравился, а вот некоторые другие, более реалистичные, без всяких тебе нереальных монстров и прочей хрени, вполне себе тема. Меня больше волнует в мире постапокалипсиса жизнь людей, выживание, судьбы. Вот о них и надо писать. Тем более это сейчас будет как пропаганда для сокращения ядерного оружия. Нужно показать миру, что победителей в такой войне не будет, описать все ужасы жизни остатков людей на уничтоженной планете. Молодец Катя, будем работать!

Работать в субботу было реально лень. Как уговаривались с заведующей еще в первые дни моей работы дворником, что я должен приходить и в выходной, если навалит снег. И вот, в субботу я проснулся утром, сходил во двор в туалет – и охренел от происходящего.

Сугробы наметало буквально на глазах, февраль во всей красе. Хорошо хоть морозец есть, около десяти градусов и снег сейчас легкий, сухой, а то бывало в январе умирал от расчистки. Вариантов было немного, быстренько перекусил, да и побежал на службу, лопаты заждались. Пахать пришлось буквально весь день, с природой не договоришься. Начал в восемь утра, дорогу не трогал, чистил лестницы, к десяти буря улеглась, и я принялся за территорию перед магазином. Закончил затемно, около шести вечера, и уставший побрел домой. Катя в этот день не работала, выходной у нее, вот и шел один. Когда до дома нашей хозяйки Лидии Николаевны оставалось буквально два поворота, то есть просто обойти один из старых нежилых домиков, я почувал что-то плохое. Точнее, не стану строить из себя экстрасенса, я просто увидел следы. Много. Так как кроме нас тут никого быть не может, стройки ближе к магазину, мы тут вроде как вообще на отшибе получаемся, то ходить тут некому, тем более толпой. А в том, что тут шла толпа, по такому-то снегу, догадаться было не трудно.

– Это что у нас за гости такие? – почесал я затылок и решил на всякий случай подойти осторожно. Мало ли, бандитов тут хватает, я рассказывал о том, что со строек неподалеку тащат все каждый день. Ну, бедный у нас народ, бедный, а тут строительные материалы, инструменты, дефицит сплошной, вот и воруют.

Соседний с Лидией Николаевной участок не был обнесен изгородью, стоял лишь покосившийся домик, в котором, по словам нашей хозяйки, давно никто не живет, поэтому, высунув голову из-за угла, я начал осматриваться.

– Это что за «петух» на часах стоит? – прошептал я сам себе, увидев стоявшего возле крыльца мужика в фуфайке. Лица не вижу, метров двадцать до него, да и темно как в заднице, но его самого, курящего и кутающегося в телогрейку, я разглядел сразу. И что мне делать? На мента не похож, да и чего бы ему одному стоять возле дома? К тому же у них машины есть, а эти явно пешком пришли, следы-то не зря заметил. Как же поступить-то?

– Стоять! – воскликнул мужик, когда я появился прямо перед ним. Я просто обошел дом с другой стороны, для того, чтобы он не увидел меня заранее. Да еще дом осмотрел, окна все закрыты занавесками, ничего не разглядеть, но свет видно во всех.

Мужик держал в руке нож и, я уверен, готов был его применить в любую секунду. Выглядел он, мужик, а не нож, странно. Вроде не старый, но говорит хриплым, прокуренным голосом, весь заросший щетиной, невысокий, коренастый, хотя фуфайка объема добавляет.

– Ты кто? – ответил я вопросом, но спокойно, не повышая голоса.

– Хрен в пальто, вставай к стене, живо! – проговорил-прохрипел мужик, указывая рукой с ножом в сторону стены дома.

– Ладно, – пожал я плечами и как бы равнодушно прошел мимо мужика к стене.

– Руки положи на стену!

Вот блин, шмонать будет, а друзей позвать не надо? Ну и хорошо. Напомню, удар хоть ногой, хоть рукой, не важно, коленом или локтем, у меня очень быстрый, тем более я с декабря возобновил тренировки, пока личные, в одиночку, но моторику уже набрал хорошую.

Дождавшись, когда меня начнут ощупывать одной рукой, я резко ударил локтем назад, одновременно разворачиваясь и разрывая дистанцию. А попал ведь, причем туда, куда и хотел. Мужик явно опешил, никак не ожидал он такого действия от вроде бы шуплого пацана, и застыл. Оружие выбивать я не собирался, зачем? Мгновенный удар в челюсть, хотел в горло, но у мужика шарф большой на шее, вдруг не получится пробить как следует, поэтому не рисковал. Владелец хриплого голоса и ножа в руке просто улетел в сугроб. Подхватив его под руки, быстро потащил в сторону. С этой стороны дома окно было только на крыльце, но скорее всего там никого не было, иначе бы уже вышли на голос, так что я не боялся. Оттащив за соседний дом, пощечиной привел мужика в чувства, предварительно охлопав карманы. Оружия больше не было, папиросы, спички да мусор, вот и все наследство.

– Ты кто? – спокойно спросил я. Хмыря этого я держал на снегу, встать не дал, поставив ногу на живот.

– Тебе хана, падла, а-а... – и попытался заорать.

Пробил я очень быстро, на этот раз ногой и лежащего, но мне плевать. Из уст хмыря вылетело лишь что-то нечленораздельное, да быстро утихло. Задрав ватник, разглядел на поясе ремень. Двумя движениями выдернул его из штанов и крепко связал мужику руки за спиной, вдавив мордой в снег. Жаль, хотел допросить, а теперь никак, эта падла орать будет, мне это ни к чему. Глянув по сторонам, вроде никого, шагнул к крыльцу. Чувство тревоги уже кричало благим матом, но идти нужно, там мои девочки.

Дверь на крыльце открывалась бесшумно, я давно смазал все двери в доме, не люблю скрипучих закрывашек. А вот вторая, та, что ведет с крыльца в дом, сильно провисшая, разбухла, видимо, закрывалась она с трудом, и чтобы войти тихо, ее нужно приподнять, потянув вверх. По сантиметру еле-еле тяну толстую и низкую дверь на себя и сразу вижу неизвестного мне человека. Впереди справа у Лидии Николаевны расположена печь, возле нее лавка, вот на ней и развалился неизвестный. Крепкий мужик, лет сорока на вид, густые брови, черные усы топорщатся в стороны. Лицо жесткое, глаза узкие, мужик смотрит куда-то перед собой, ту сторону мне не видно. Хреново знать, что в доме чужие, и не знать, сколько их. Очень хреново. Нож бандита у меня, но резать кого-то не хочется, мало ли как пойдет, только на крайний случай прибег.

Распахиваю дверь так, чтобы, входя и напав на ближайшего противника, а я уже считал пришельцев таковыми, мне разглядеть остальных. Мужик с лавки вскочил почти одновременно с моим появлением, но это мне и нужно было, удобнее бить. В руке блеснул нож, но на это я уже не смотрел, двигаясь очень быстро, все же заметил еще двух мужчин и лежавшую на полу Лидию Николаевну. Суки!

Удар в горло – это очень больно. У усатого была длинная шея и место для удара даже выбирать не пришлось. Бросив нож, мужик хватается за горло и выбывает из игры.

– Эй, ухарь, стопани, а то твоим девкам звездеч! – слышу я слева. Там и находились оставшиеся два ушлепка, причем у одного из них в руке ствол.

– Кто вы такие? – злобно смотрю на бандитов, а сам медленно продвигаюсь к ним.

– Стой говорю, где стоишь! – приказывает один из них, именно тот, что с наганом в руке. Останавливаюсь. – Вот так. Ты взял чужое, мы забрали твоих баб. Хочешь получить их назад целыми, верни чужое. Сверху двадцать пять кусков, срок завтра вечером. Место ты знаешь, дома нет, но тебя там встретят. Все уразумел? – мужик смотрит нагло, чувствуя себя хозяином положения, явно старший этой гоп-компании. Выглядит он, кстати, вполне прилично, на худом лице ни морщинки, молодой, стройный, кожаная куртка по последней моде расстегнута, под ней виден свитер грубой вязки с высоким воротом.

– Вы кто такие, где мои родные и о чем вы вообще? – пробую разговорить, но не выходит.

– Ты все слышал, прекрасно понимаешь, о чем я, разговор окончен, – еще и говорит правильно, образованный, сука. Второй, стоявший до этого рядом, а сейчас помогавший поверженному у печки встать, весь разговор молчал и, кажется, вообще не обращал внимания на происходившее вокруг.

– Если хоть волосок упадет, вам будет очень больно об этом вспоминать, – зло шиплю я, облизнув губы. Всегда, когда я на взводе, пересыхают губы.

– Это от тебя зависит. Принесешь то, что взял, получишь баб. Мокрый, бери Косого, и уходим.

Сказано было твердо, мужик явно знает себе цену и трезво оценивает свои же возможности. Лихорадочно рассуждая, наблюдаю за бандитами, выпускать их нельзя, но и на ствол лезть как-то не хочется.

– В сугробе еще один отдыхает, не забудьте прибрать, – бросаю вслед.

– За это еще пятерку накинешь, – фыркает интеллигент и, засмеявшись, отвлекается.

Стоял он в это время всего в двух метрах от меня, поэтому ныряю вниз влево и бью очень сильно в живот. Наган тут же шлепнулся на пол, бандит улетает и врежется в стену, а я, выпрямляясь, спешу к последнему, кто еще никак не участвовал в схватке. Этот был самым мелким на вид и несуразным, молодой совсем, даже бить жалко.

– Постой, постой, я все расскажу! – кричит он вдруг, вскидывая руки.

– Мокрый, гнида, заткнись! – рычит осипшим голосом тот, кто получил от меня в горло, зря я сдерживался, надо было сломать ему кадык. Отправляю его в нокаут хорошим ударом справа в челюсть и даже слышу, как та хрустнула.

– Это все Лихой, – бандит с погонялом Мокрый трясущейся рукой указывает на лежавшего в позе зародыша старшего. – Твоих забрали, держат на хазе в поселке, за Волгой.

– Их трогали? – рычу я.

– Нет, нет, никто не трогал, Борец приказал доставить в целости, их увезли еще днем.

– Сколько вас там и кто такой Борец? – продолжаю собирать информацию.

– Ты чего, брат, о Борце не слыхал? Ты откуда свалился, с луны? Да он тут весь город держит...

Чего-то меня все время на луну отправляют.

– Не ври, вы не одна банда в Рыбинске.

– Заволжье за ним, никто не сунется, двенадцать хануриков точно будет, с нами было больше, – поправился Мокрый.

– Как на меня вышли?

– Срисовал один из наших, он живет рядом с хазой, которую ты сжег. Видел, как наших повязали, тебя заметил, когда ты уже деру дал оттуда. Искали долго, только вчера местные шкеты донесли, что видели тебя у «Дружбы».

– Ясно, – качнув головой, заключаю я. – Жить хочешь?

– Д-да, – часто-часто кивает бандит.

– Поможешь, не трону, еще и в наваре будешь.

– Мне край будет, завалят сразу.

– Ты должен провести меня на хазу, дальше можешь бежать.

– Ты сдурел, там двенадцать рыл, стволы есть, уработают тебя, а потом и меня.

– Курва ты, Мокрый, я тебе язык вырежу лично и сожрать заставлю, – внезапно доносится голос старшего.

– Зря ты ожил, задержался уже на белом свете, – подхожу я к нему и спокойно так выбиваю из руки нож, который бандит для меня приготовил, незаметно вытащив откуда-то. Сил сопротивляться у него не было, я ему внутренку хорошо встряхнул, встать он не может. Нож улетает в сторону, а я, подойдя чуть ближе, но не упуская из вида Мокрого, резким ударом ноги в шею ломаю позвоночник бандита. Хрустнуло противно, вон Мокрого аж скрутило, блеванет сейчас.

– Иди на улицу, гад, не хрен в доме блевать! – ору я и киваю на дверь. Не убежит, струсит.

Мокрый убегает, закрывая рот руками, а я подхожу к тому, что держится за горло. Тот все понял, крутит головой, хотя ему и больно, просит не убивать. Но я уже все решил, точнее даже они сами все решили за меня. Легонько пихаю его в живот носком ботинка, и когда бандит складывается, таким же ударом, каким убил Лихого, ломаю шею и этому. Окидываю взглядом побоище и выхожу на улицу. Подходить к хозяйке не стал, она вся в крови, видно, что уже не живая. Бандиты, как всегда, выбрали наименее важную на их взгляд жертву и убили просто для того, чтобы показать серьезность намерений и запугать. Жаль бабульку, моя вина, как искупать буду, не знаю, но отомстить точно смогу. Сколько там этот щенок сказал в их банде, двенадцать рыл? Значит, убью двенадцать, поздно останавливаться, раз занес ногу.

Мокрый был на улице и пытался умыться снегом, воняло от него прегадостно. Связанный мной первым бандит лежит в снегу, только перевернулся и смотрит... Да дрищет он, а не смотрит. Он мне больше не нужен, тем более они все себя кровью замарали. Убил, даже не моргнув глазом, и этого, я слишком зол, просто пипец как зол, хоть и делал это впервые. Убивать я умел, меня этому учили, но в драках черту никогда не переходил. А тут все сложилось само собой, не скажу даже, что не задумывался, как раз наоборот, я все обдумал и решил поступать именно так.

– Ты наврал мне, твой дружбан Косой сказал, вас там больше! – Я держал рукой за воротник Мокрого, а вторая рука была готова врезаться ему в нос.

– Бля буду, мужик, прости, испугался я, они ведь и меня кончат! – да он обоссется сейчас. Страшно ему, еще бы, увиденное зрелище впечатляло, вряд ли раньше такое видел.

– Сколько вас? – заглядываю в глаза.

– Двадцать восемь было с нами. – Мокрый, сука, опускает глаза, а мне хочется ему нос вогнать внутрь. – Если пойдешь днем, там меньше будет, днем расходятся на делюги.

– Как и предлагал ранее, повторяю, заводишь меня в дом, дальше вали куда хочешь.

– Но как? – взмолился трусливый бандит. – Если я приду без Лихого, один, они же сразу поймут все и на пику!

– А тебе и не надо ничего скрывать, подойдем, проводишь внутрь и свободен. Будут вопросы, скажешь, отлеживаются остальные, подрались.

Мокрый согласился, да только я не стал ждать зав трашнего дня, а пошел сразу. Пусть ночью их там больше, зато скорее всего пьют, кто-то вообще может быть в отключке, да и просто тороплюсь я к девчонкам, не дай бог с ними что-то сделали, я этих гнид жарю на спичках. Всех, до единого. Нет еще такого способа казни, какую я им придумаю и осуществляю.

Путь заинтересовал, вначале на берег, как и я до этого ходил, а через Волгу по узкой рыбацкой тропке, прямо до Васильевского, что на слиянии Шексны с Волгой. Там пересекли саму Шексну и парком, поглядел со стороны на развалины сгоревшего бандитского дома, потом через пустырь, и вот мы на месте. Здесь, где петлял небольшой ручей под гордым названием «река Инопаш», стояли редкие, давно покинутые домики переселившихся в город жителей.

– Вон тот дом, рядом с рекой, – указал на один из домов Мокрый.

Дом стоял чуть на отшибе, а за ним овраг, в случае милицейской облавы уйти можно, перекрыть здесь все очень сложно.

– Ты же понимаешь, что если ты соврал, то тебе будет неприятно? Ты даже не слышал о таких пытках, какие я устрою тебе, – я не кричал, не делал злое лицо, просто заглянул ему прямо в глаза.

– Зачем? Я правду говорю. – А боится бандитская душа, боится.

– Где держат девочек? – Скорее всего, он не знает, но хоть планировку подскажет.

– Наверху есть комнатка, маленькая, скорее всего там, больше нигде. Внизу одна большая, где их держать еще, если не там, – уверил меня Мокрый. Ну и погоняла у них.

Я связал его веревкой, взятой в доме у Лидии Николаевны. Связал крепко, да еще и привязал к небольшому деревцу, посидит пускай чуток, дальше видно будет. Мокрый активно просил отпустить, пришлось опять заглянуть в глаза, и он смирился.

Не собираясь заходить через парадную дверь, я медленно, шаг за шагом обходил дом. Теперь я не пустой, у меня наган за поясом, два ножа в руках, порву любого, если, конечно, не застрелят раньше, пуля быстрее любого кулака.

Кружа вокруг дома бандитов, выглядывал подходы, найдя подходящий путь, сюда не выходило ни одно окно, я подкрался и затаился под стеной. Так, а если залезть наверх?

«Это ж деревенский дом, здесь просто обязана быть лестница, надо просто ее найти».

И точно. Дойдя до пристройки, обнаружил приставную лестницу, ее хранили на стене, висящей на паре вбитых гвоздей. Осторожно снял старую, сильно качающуюся лестницу и

подергал каждую ступень, проверяя. Нормально, выдержит. На крыше снега навалом, пройду, не поскользнусь, а главное, тихо пройду.

Уже на крыше, проходя мимо печной трубы, прислушался, вроде как голоса слышу.

– Борец, чего с ними нянчиться, разреши побаловаться? Вон мамашка какая ухоженная, сроду таких не видел!

Суки, а времени-то, похоже, совсем нет. Радует одно, кажется, еще ничего плохого они девочкам не сделали.

– Я сказал после, значит, после. И я первый буду! Станешь паханом, будешь ты рулить, а сейчас завалили хавальники и спать идите, завтра денек, думаю, веселый будет. – Второй голос надменный, злой, и кажется, этот бандос власть имеет огромную.

– Завтра же инкасов хотели брать на ГЭС?! – вопросительно вякнул третий голос.

– Не всей же кодлой, Колесо! Все уже решили, идут шестеро, хватит за глаза. Возле кассы будут еще двое, на крайний случай. Маринка!

Блин, там еще и бабы есть, что ли?

– Да, Боренька? – Так Борец потому, что Боря? А я думал, что он реально – борец.

– Девчонке дай чего-нибудь поесть, малой, мамаше не давай.

– Как скажешь, я бы и пигалице не давала.

– Пусть поест, малая еще. – Смотри-ка, не совсем отморозенный, значит. Однако надо спешить, а блин, стрёмновато что-то. Много их там, по-любому заденут, даже с моей скоростью. Против ствола я слабоват, почти не было подготовки. Тренер, помню, рассказывал о «маятнике», но я до него так и не дошел, агодились бы сейчас знания. Хотя где там в помещении уворачиваться-то?

Снег тихо проминался под ногами, но не скрипел. Я пробрался к окну и стал прислушиваться. Судя по стеклу в чердачном окне, у него кусок был отколот, чердак скорее всего нежилой. Слышалась какая-то болтовня, но что именно говорили, я не понимал, пока не рявкнули уж совсем близко к окну.

– Накорми свою пигалицу, а сама перебежешься, поняла меня? – уже знакомый голос, Марины кажется, звучал требовательно.

Затем я услышал, как хлопнула дверь, скрип, а затем глухой удар. Решившись, я перегнулся вниз, оказавшись чуть выше окна, но ничего не увидел, темно там. Хотя нет, что это, свечка, что ли? Я разглядел одинокий огонек в глубине маленькой каморки, а рядом с ним, на полу, сидели мои девочки. Как сразу не прыгнул внутрь, не знаю, а желание было. Оконная рама не имела петель, оно было глухим, с четырьмя маленькими стеклами, вынуть их аккуратно можно только изнутри. Встать ниже окна было некуда, ну вот совсем, а попасть внутрь мне нужно. Достав нож, осторожно тянусь к стеклу в надежде постучать по нему, но тут замечаю движение внутри и сжимаюсь, как пружина. Катя. Она заметила меня и подошла. Лицо все в слезах, глаза красные, представляю, как они обе напуганы.

– Молчи и слушай. Главное, не дай Аленке говорить, как хочешь, иди, а затем вернись сюда, быстрее.

Катя так же молча вернулась к дочери, разговора я не слышал, но жена вернулась очень быстро. Просунув в разбитое стекло нож, еле дотянулся, объяснил, что нужно вытащить штапик или, если его нет, гвоздики.

– Тут что-то мягкое, – прошептала Катя, приблизившись вплотную к разбитому стеклу.

– Отлично, это замазка. Скобли тихо, она легко сойдет, затем нужно вытащить стекло. Чтобы попасть к вам, мне нужно за что-то зацепиться. Скорее, родная.

Следующие пятнадцать-двадцать минут были настолько томительными, что даже сравнить не с чем. Казалось, никогда и ничего я так долго не ждал, как сейчас жду, пока Катя попытается вытащить стекло. Наконец, я даже увидел это, стекло наклонилось к жене, а я, прижав палец к губам, попросил действовать тише. Удалив одно из стекол, супруга дала возможность

мне спуститься и, зацепившись за раму, довести процесс до конца. Дело было сложным, окно и так было маленьким, сантиметров шестьдесят в высоту и около сорока в ширину, так еще и делилось переплетом на четыре части. Попасть внутрь я смогу, лишь убрав переплет, по-другому – никак. Осмотрев окно, понял, как оно сбито, и решение пришло.

– Снимай пальто, скорее! – шепнул я. Супруга послушно стащила пальто и вопросительно посмотрела на меня. – Прижимай его к раме как можно плотнее.

– Свернуть?

– Да, сверни вчетверо, как раз будет.

Дальше Катерина прижала пальто к раме, а я, поддев ножом и уперевшись плечом, просто вдавил окно внутрь. Как Катя не лопухнулась и успела подхватить выдавленную раму, даже не понял, но нам удалось совершить, казалось, невозможное. В камере я не стал обниматься и целоваться, а решил скорее вытаскивать девчонок на крышу. Нет, я не сбежать решил, а обезопасить тыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.